

ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ

**Россия усадебная
РОССИЯ ВОЗРОЖДЕННАЯ**

**О проблемах
реставрационной
практики**

**Реституция
не панацея.
У дома
должен
быть
хозяин**

**Князь
Дмитрий
Михайлович
Шаховской
СОХРАНЕНИЕ
ПАМЯТИ**

ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ

Издание Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» (ФГБУК АУИПИК)

Свидетельство о регистрации СМИ выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-56187 от 15 ноября 2013 г.

127006, г. Москва, Дегтярный пер., д.8, стр.3
Тел./факс (499)705 20 00, (495) 624 59 31
<http://www.aupik.ru>

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Мединский Владимир Ростиславович

Министр культуры Российской Федерации

Пирумов Григорий Ульянович

Заместитель Министра культуры Российской Федерации

Рыжков Олег Владимирович

Руководитель ФГБУК «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» Министерства культуры Российской Федерации

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Ващенко Николай Филиппович

Советник аппарата Комитета Совета Федерации по науке, образованию, культуре и информационной политике, ответственный секретарь Комитета Совета Федерации по науке, образованию, культуре и информационной политике

Копылова Елена Ивановна

Ректор Института искусства реставрации

Маркина Ирина Александровна

Проректор Института искусства реставрации

Окороков Александр Васильевич

Первый заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Лихачёва

Работкевич Александр Викторович

Заместитель директора Департамента контроля, надзора и лицензирования в сфере культурного наследия Минкультуры России

Савостина Елена Анатольевна

Директор ВШР, зав. отделением реставрации РГГУ

Синицына Ольга Николаевна

Председатель Российской ассоциации реставраторов

Тургаев Александр Сергеевич

Ректор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства

Главный редактор

Новиков-Ланской Андрей Анатольевич

Шеф-редактор

Хутарев-Гарнишевский Владимир Владимирович

Дизайн и верстка

Агронский Сергей Олегович

Контакты редакции:

127006, г. Москва, Дегтярный пер., д.8, стр.3
Тел./факс (499) 705•2000, (495) 624•5931
red@ohrangos.ru, www.ohrangos.ru

Фото на обложке: **Усадьба Кирицы. Рязанская область.**
Источник: globallookpress.com

В НОМЕРЕ

СОБЫТИЯ

2 Краткий обзор

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

4 О пользе диалектики

Андрей Новиков-Ланской

ПОЗИЦИЯ

6 Между двух огней. Охрана культурного наследия и реставрация

Дмитрий Фесенко

МНЕНИЕ

10 Реституция не панацея.

У дома должен быть хозяин.

СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА

18 Об идеологических и технических проблемах реставрационной практики

Евгений Кокорев

РЕГИОНЫ

30 Алексей Шкрапкин: Человек, прикасаясь к прошлому, лучше воспринимает настоящее и меняется сам

ХРАНИТЕЛИ

36 Торопецкое историческое общество

Юлия Ракитина

ДОСТОЯНИЕ

46 Владимир Комаровский. Судьба иконописца

Лидия Головкова

ИНТЕРВЬЮ

54 Князь Дмитрий Михайлович Шаховской. Сохранение памяти

62 Виссарион Игоревич Алявдин.

Россия усадебная – Россия возрожденная

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

68 Защита наследия с оружием в руках. Австрийский опыт

Лейля Штробль

МАСТЕР-КЛАСС

74 Как стать историком архитектурного наследия?

Владимир Хутарев-Гарнишевский

80 SUMMARY

СОБЫТИЯ

Защитные зоны остановят недобросовестных застройщиков

• 22 марта 2016 года Государственная Дума во втором и третьем чтениях приняла законопроект о введении защитных зон вокруг объектов культурного наследия. Они будут автоматически установлены для памятников, не имеющих собственных охранных зон и не входящих в объединённые охранные зоны. Граница защитной зоны в населённых пунктах будет проходить в 100 метрах от границ памятника и 150 метрах от границ ансамбля. В сельской местности это расстояние увеличивается до 150 и 250 метров, соответственно. В случае если территория памятника не определена, то граница защитной зоны будет проходить в 200 метрах от стены здания в населённых пунктах и 300 метрах в ненаселённой местности. Местные органы охраны памятников имеют право установить иные границы защитной зоны исключительно на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы. На её территории запрещено любое новое строительство и реконструкция, включая регенерацию. Эта мера является безусловным прорывом в законодательном регулировании охраны памятников. Недобросовестные застройщики пользуются тем, что у значительного числа памятников не установлены собственные охранные зоны, а процесс их разработки и утверждения является дорогостоящим и трудоемким. Защитные зоны, несмотря на их временный характер, должны кардинальным образом решить эту проблему. Кадастровый орган обязан в течение 15 рабочих дней после предоставления

ему информации о защитной зоне внести сведения в государственный кадастр недвижимости. Законом определён ряд существенных ограничений. Защитные зоны не устанавливаются для объектов и ансамблей, входящих в состав достопримечательного места, для археологических и монументальных объектов наследия, а также для некрополей и отдельных захоронений. В принятом Государственной Думой нормативно-правовом акте имеется принципиально важная оговорка, что все охранные зоны, утверждённые согласно законодательству РСФСР и РФ до принятия данного закона, автоматически признаются действующими. Не секрет, что советские зоны охраны часто пытаются пересмотреть, незаконно признать устаревшими, даже отменить. Теперь эта лазейка будет закрыта. Рассмотрение в Совете Федерации этого законопроекта, уже получившего самые положительные отклики в памятникоохранительной среде и научно-экспертном сообществе, ожидается в конце марта.

Министерство культуры проверяет качество реставрации

Заместитель министра культуры Николай Малаков заявил о начале массовой проверки качества реставрации и правильности эксплуатации отреставрированных объектов культурного наследия в 55 регионах страны. Одновременно в ведомстве началась работа над составлением типовых инструкций по использованию различных видов памятников. Этот труд позволит усилить контроль за соблюдением памятникоохранительного законодательства и навести порядок с управлением и

использованием культурного наследия. «Все сданные объекты находятся на гарантии 55 месяцев, сейчас органам охраны направлены письма с требованием проверить вместе с пользователями, если есть какие-то замечания к реставраторам, мы тут же реставраторов начинаем строить по стойке смирно, чтобы они все привели в порядок по всей стране, это 55 регионов... Мы организовали внутренний контроль по всем департаментам и по департаменту, который занимается вопросами реставрации, мы проводим внутренний аудит», — рассказал Малаков. Также он заметил, что был инициирован внутренний аудит ответственных за реставрационную работу департаментов и структур министерства.

Отреставрирован Арсенал в Царском селе

Качественная реставрация должна длиться долго – это прописная истина, про которую иногда забывают как заказчики подобных работ, так и сами реставраторы. Приятной новостью стало открытие павильона «Арсенал» в Александровском парке Царского села. После длившегося с 2011 года восстановления - исследований и проектирования, противоаварийных работ и, наконец, самой реставрации – мы видим здание в своем первоначальном виде. Была сохранена вся историческая кирпичная кладка двухэтажного павильона. Даже раствор реставраторы пытались сделать схожим с историческим; были восстановлены зубцы по периметру здания. Основную сложность представлял купол рыцарского зала, в котором имелись пробоины от бомб времен Великой Отечественной войны. Реставраторы максимально сохранили кладку купола свода, укрепив её несущую способность. Здание приспособлено под современное экспозиционно-выставочное использование, снабжено всеми необходимыми коммуникациями и техническими помещениями. Здание было возведено в 1819-1834 годах по проекту архитекторов А.А. Менеласа и А.А. Тона. Арсенал в Царском селе с самого начала

являлся музеем коллекции оружия императора Николая I. В каждом зале экспонировалась отдельная часть коллекции: в Албанском, Турецком, Индо-персидском и Индо-мусульманском – восточное оружие, в восьмигранном Рыцарском – средневековое. В конце XIX века император Александр III перевёл собрание в Императорский Эрмитаж, но сам павильон продолжал использоваться в качестве музея.

Андрей
Новиков-Ланской

Категории диалектики завораживают. Вечная изменчивость и соединение противоположностей создают с трудом постигаемые умом парадоксы, которые могут обескураживать. Но с ними неизбежно приходится иметь дело – особенно тем, чья деятельность связана с охраной наследия. Как менять и меняться - не меняя? Воздействовать – не разрушая? Эксплуатировать - не принижая? Управление процессами трансформации – сложная и тонкая практика. И мало где она требует от человека такого мастерства и так наглядна, как в искусстве реставрации и приспособления исторических памятников.

О ПОЛЬЗЕ

Прошлое и настоящее часто находятся в конфликте. Особенно остро это чувствуется в России, которой исторически свойственно скорее резкое изменение и разрыв с прошлым, нежели сохранение преемственности и мягкое постепенное преобразование. За прошедший век такие полные разрывы с отрицанием и обесцениением прошлого случались здесь как минимум дважды: во время крушения Российской империи и в годы распада Советского Союза. Сегодня, когда внимание к истории и национальным историческим ценностям является явным приоритетом государственной политики в области культуры, а также ощутимым общественным настроением, столкновение вызовов современного строительства с идеей сбережения истории по-прежнему актуально и болезненно. Живой город должен меняться, историческая застройка вынуждена адаптироваться под новый темп и ритм, иначе произойдет музеефикация, омертвление среды. Но при этом новая стройка не должна убивать живые же памятники – здесь необходимы чувство ответственности, знания, вкус и внутренняя культура людей, принимающих решения. О продолжающейся

ДИАЛЕКТИКИ

дискуссии на эту тему пишет теоретик и историк архитектуры Дмитрий Фесенко, его статью можно найти в этом номере нашего журнала. В сфере сохранения наследия работают люди самых разных профессий, темпераментов и мотиваций. Сегодня мы предлагаем нашим читателям несколько материалов о том, что предполагает тот или иной вид профильной деятельности. О реставраторах как носителях особого сочетания профессионального мастерства и художественного призвания пишет известный реставратор Евгений Кокорев. Специфика профессиональных умений и навыков историка архитектурного наследия находятся в центре внимания статьи Владимира Хутарева-Гарнишевского. Историк-генеалог раскрывается в интервью с князем Шаховским, живущим в Париже. Образ частного инвестора, занимающегося памятниками истории и культуры, дается в авторском материале предпринимателя Алексея Шкрапкина. Общественные инициативные группы, объединения неравнодушных к своей истории граждан показаны на примере Торопецкого исторического общества. Исторические памятники часто становятся зримыми

материальными символами определенных народов, эпох, идей и верований, что, с одной стороны, придает им особую значимость, но, с другой стороны, делает их уязвимой мишенью враждебных сил. Классический пример сегодняшнего дня – ситуация с городом Пальмира, городом-памятником. О международном опыте в этом вопросе также рассказывает наш журнал. Если же говорить о символе русской исторической архитектуры, то им, очевидно, является русская усадьба XVIII–XIX веков. Об опыте возрождения усадебной жизни рассказывается в беседе с руководителем Ассоциации владельцев исторических усадеб Виссарионом Алявдиным. Свои мысли о реституции как возможном механизме сохранения родового наследия высказывают разные специалисты, участники сферы исторической недвижимости. О том, как меняться, не меняясь, думает и наш журнал. Постоянные читатели нашего издания наверняка заметят некоторые изменения в оформлении и подаче материалов. Надеюсь, что эти изменения придутся по душе. В любом случае, мы сохраним главное - бережное и внимательное отношение к нашему наследию. Это тот случай, когда законы диалектики должны поработать во благо.

ПОЗИЦИЯ

Современная проектная практика включает длинный перечень специализаций. Назовем основные: объемное проектирование, градостроительство, терпланирование, расселение, ландшафтная архитектура, интерьер-дизайн, городской дизайн, охрана памятников и реставрация, реконструкция. На разных исторических этапах одни из них выдвигаются на главные роли, другие, наоборот – уходят в тень. Будучи встроенными в универсум культуры, они оказываются составными звеньями сменяющих друг друга социокультурных констелляций. Расхожий образ, описывающий эти исторические подвижки – это попеременное движение маятника культуры.

Охрана культурного наследия и реставрация МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

● В 1990-е-середине 2000-х годов безраздельное лидерство захватили объемное проектирование и интерьер-дизайн. Да, ресинская максима «Архитектор правит бал» была насквозь ханжеской, фальшивой: телега, в смысле – строители, по-прежнему оставалась поставленной впереди лошади. Однако внутри профессии основными фигурами являлись архитектор-объемщик и дизайнер

интерьера, остальные же специальности были отодвинуты на второй план. Особенно досталось градостроителям и реставраторам – эксперты сигнализировали даже об угрозе исчезновения этих дисциплин. Так, за захлестнувшей российские города волной сносов объектов фоновой застройки, а нередко – и титульных памятников, и последующим воссозданием «таких же, только больше и лучше»

ПОЗИЦИЯ

стояли в большинстве своем архитекторы, к услугам реставраторов заказчики прибегали лишь изредка, в особых случаях. Реставраторы, по сути, пребывали на обочине профессии – так же как и градозащитники, в глазах общественности выглядевшие малахольными маргиналами, что-то типа городских сумасшедших. Ситуация стала меняться во второй половине 2000-х гг. Пришедшая в город деревянная архитектура малых форм вкупе с ландшафтным дизайном потянули за собой следующий масштабный уровень – градостроительство. С начала 2010-х годов урбанистика по факту стала модным поветрием, едва ли не хипстерской фишкой. Логически последующим этапом оказывается возрождение института территориального планирования, свидетелями чему мы являемся сегодня, и – далее - расселения как высшей стадии проектного мышления. Впрочем, последнее лежит за пределами неolibеральной парадигматики, в рамках которой мы пребываем по сей день. Аналогичная ситуация с конца 2000-х годов складывается в области сохранения культурного наследия и реставрации, воспрянувшей из исторического небытия. Уже в эпопее с отказом от генплана г.Москвы в 2010 году решающую роль сыграли градозащитные организации, прежде всего «Архнадзор». Вслед за столичными «Архнадзором» и «Живым городом» свои градозащитные движения возникли едва ли не во всех уважающих себя крупных городах России. Из изгоя градозащитная деятельность превращается во вполне респектабельную – активисты движения вошли даже в правительственные структуры, как это имеет место в Казани, где О.Балтусова стала советником Президента Татарстана. В настоящее время происходит институционализация градозащитного движения на страновом уровне - в 2014 году состоялся всероссийский съезд градозащитных организаций. Параллельно растут объемы реставрационных работ, в том числе осуществляемых за счет средств частных собственников. За последние несколько лет в российской столице в разы сократилось число памятников, находящихся в аварийном состоянии. Проводятся специализированные выставки и смотры-конкурсы, возникают новые печатные и интернет-

издания, посвященные проблемам охраны наследия и реставрации, учреждается звание «Почетный реставратор». В прошлом году прошел первый, учредительный съезд Союза реставраторов России. Разворачивающаяся на наших глазах реконфигурация профессиональной матрицы приводит к тому, что теперь уже архитекторы-объемщики оказываются в роли отверженных. На них спускают всех собак, хитроумно переводя стрелки, выводя из-под удара истинных виновников происходящей деградации городского ландшафта и роста градостроительных дисфункций в лице девелоперов, тесно спаянных с местными властями. Многие архитекторы вынужденно переквалифицируются в реставраторов, покидая бедствующие проектные организации. Очевидно, маятник культуры близок к своему очередному экстремуму.

Возникает закономерный вопрос: да, охранная и реставрационная деятельность сегодня оказалась в центре внимания общественности и власти со всеми вытекающими предпочтениями, но вот надолго ли? Время уплотняется, стремительно ускоряя свой бег – как скоро маятник культуры качнется в обратном направлении? Так или иначе, профессия и наши города должны воспользоваться благоприятной конъюнктурой, обратить себе на пользу сугубые капризы и прихоти общественного сознания, спасая то, что еще можно спасти. К примеру, в том же Подмосковье в жалком состоянии пребывают сотни усадеб. Памятники продолжают разрушаться в результате как естественного хода событий, так и злого умысла – технологии запуска на территорию объектов культурного наследия бомжей, трюки с немотивированным возгоранием электропроводки и сноса под праздники надежно отработаны изобретательными инвесторами. По статистике, каждый день в России погибает несколько объектов культурного наследия.

Поэтому: если не сейчас, то когда?

Но... есть и плохая новость, а именно - происходящий консервативный поворот чреват и вероятными негативными последствиями для объектов историко-культурного наследия.

Перенаправление и освоение потоков финансовых средств влекут за собой серьезные организационные и кадровые подвижки: появляются крупные реставрационные объединения, вытесняющие небольшие компании, происходит коммерциализация реставрационной деятельности, наблюдается активный приток гастарбайтеров с их сомнительными ремесленными умениями и навыками, эксперты все чаще бьют тревогу по поводу применения некачественных строительных материалов и изделий. Аврал в деле консервации и реставрации чреват вполне предсказуемыми печальными последствиями, которые мы можем лицезреть на примере памятников, восстановленных или воссозданных совсем недавно, десятилетие-полтора тому назад. Так, в том же храме Христа Спасителя в настоящее время ведутся ремонтно-восстановительные работы в стилобатной части.

Таким образом, можно констатировать, что сфера охраны историко-культурного наследия и реставрации сегодня оказывается в состоянии между двух огней. С одной стороны, она определенно находится на пике государственного и общественного внимания, обретая общекультурное звучание - и это обстоятельство грех не использовать во благо самих памятников. А с другой – такая безоглядная устремленность к новым старым ценностям и идеалам чревата привычными для нас перекосами, штурмовщиной, конъюнктурщиной, разрастанием коррупции, подчинением этой деликатной области грубому коммерческому началу, утратой реставраторами своей исконной миссии служения и – в конечном итоге – снижением качества реставрационных работ, искажением облика объектов культурного наследия. Вряд ли здесь можно выписать какие-либо однозначные рецепты, тем не менее осознание и диагностика нынешнего положения дел в отрасли в широкой социокультурной перспективе, в соотношении с кругом смежных проектных дисциплин – насущно необходимы.

Дмитрий Фесенко

Как нам сохранить наследие?

Около трети всех памятников архитектуры в федеральной собственности находятся в неудовлетворительном состоянии – это официальные данные Министерства культуры. Ситуация с памятниками на балансе субъектов федерации не лучше. Сколько бы государство ни вкладывало средств в консервацию и реставрацию, сколько бы ни пытались привлечь частных инвесторов по программе «рубель за метр», кардинальным образом проблему решить пока объективно невозможно.

В последнее время нередко предлагают аварийные памятники консервировать, а не реставрировать. Резон есть. Консервация, как правило, значительно дешевле реставрации, то есть количество спасенных от разрушения памятников было бы больше. Но есть у этого подхода один изъян. Законсервировав разрушающийся памятник, мы не только делаем его недоступным для общества, но и оттягиваем его восстановление до времён, которые могут для данного конкретного здания не наступить никогда. Это похоже на искусственное продление агонии архитектурного памятника. Есть иные подходы. Сейчас нередко можно услышать слово «реституция». Казалось бы, кто как не потомки исторических владельцев, в наибольшей степени заинтересованы в восстановлении исторических домов своих предков? Журнал «Охраняется государством» решил выяснить у экспертов в сфере права и исторического наследия, обоснована, возможна и целесообразна ли реституция объектов культурного наследия.

ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ
ДЕРЕВЯННЫЙ
ЖИЛОЙ ДОМ
СРЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.
Пороховщикова /
1871 г.
АРХИТЕКТОР А.А. ГИН
ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ

Реституция не панацея**У ДОМА ДОЛЖЕН БЫТЬ ХОЗЯИН**

На наши вопросы
ответили:

адвокат

Алексей Аверьянов

юрист

Николай Бобринский

заместитель
председателя

Центрального совета
Всероссийского общества
охраны памятников
истории и культуры

Евгений Соседов

предводитель

Российского дворянского
собрания

Олег Щербачев

историк, председатель
Московского городского
отделения ВООПИиК

**Владимир
Хутарев-Гарнишевский**

1. Может ли возвращение объектов культурного наследия потомкам дореволюционных собственников стать механизмом спасения памятников от разрушения?

•
Евгений Соседов

Если речь идет о реституции объектов, находящихся в неудовлетворительном и аварийном состоянии, то, конечно, реституция может и должна стать одним из механизмов спасения объектов культурного наследия. Особенно это касается наследия в провинции, памятников в исторических городах, усадебного наследия. Наши памятники истории и культуры находятся в крайне тяжелом состоянии, мы наблюдаем их массовую гибель, которая происходит, в первую очередь, от бесхозяйственности. Поэтому государство должно создавать как можно больше механизмов, направленных на привлечение ответственных пользователей объектов культурного наследия, заинтересованных в их восстановлении. Безусловно, реституция – один из таких необходимых механизмов.

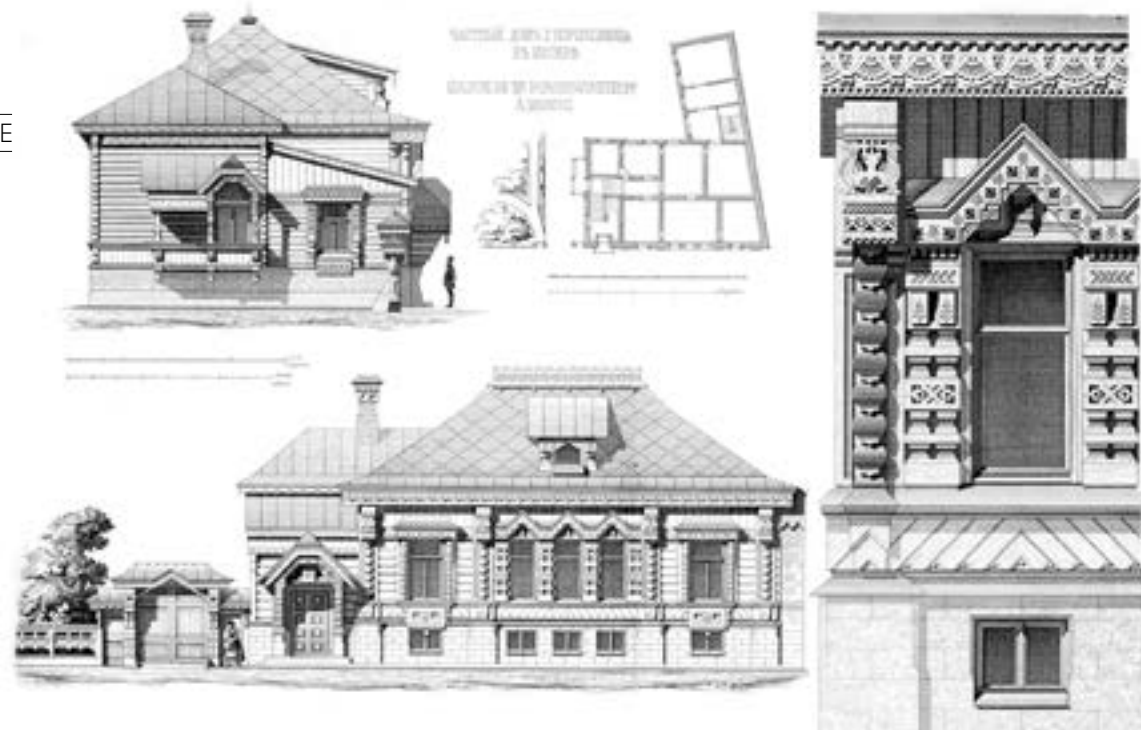
•
Олег Щербачев

Единого рецепта здесь нет и быть не может, и реституция, наверное, – тоже не панацея. Другое дело – аспект нравственный. Отнял – верни, если хочешь быть, или хотя бы казаться, честным и добропорядочным. К сожалению, на законодательном уровне слова «реституция» боятся как огня. В 1990-е годы немного поговорили на эту тему, испугались – и похоронили. Но так ли она страшна, как ее малюют? Не важно, как назвать – например, «выкуп». Хотя здесь скорее полагался бы не выкуп, а «прикуп». Получается – отняли, похозяйствовались, разрушили – теперь выкупайте назад?! Однако есть и прагматика: надо всеми возможными способами спасти то, что еще осталось. Если государство эта проблема волнует, оно обязано переступить через советские фобии.

•
Николай Бобринский

Такая постановка вопроса кажется мне несколько циничной. Фактически предлагается переложить

МНЕНИЕ

Дом Пороховщикова в Староконюшенном переулке в Москве

общенациональную задачу на плечи частных лиц. Государство однажды уже отобрало имущество у их семей, но с его надлежащим содержанием не справилось. Теперь же оно должно милостиво отдать отобранное назад с условием его восстановления за свой счет. Мне это парадоксальным образом напоминает выкупные платежи, возложенные на крестьян после их освобождения в 1861 году. Сначала правительство санкционировало отчуждение крестьянской земли в пользу помещиков, а затем заставило крестьян платить за то, что отобрали у их предков. Если закрыть глаза на этот этический недостаток, успех реституции как средства сохранения наследия зависит от многих обстоятельств. Во-первых, на много ли памятников найдутся потомки хозяев? Если претендентов, напротив, несколько, смогут ли они договориться между собой? Откуда возьмут деньги на восстановление и содержание? Думаю, что значительная доля приобретателей возвращенной по реституции недвижимости предпочтет ее продать, за отсутствием средств и интереса к ее использованию.

• **Алексей Аверьянов**

Реституция – проблема скорее нравственная, чем правовая, отношение к собственной культуре и истории невозможно урегулировать какими-либо нормативными актами и законами, так как совесть и духовность не поддаются законодательному регулированию. По этому поводу вспоминается обвинительный процесс над Святителем Лукой

(Войно-Ясенецким), который ответил на богохульный выпад главы местного ЧК о том, что Святитель не видел Бога, тем, что, оперируя своих пациентов, он не находил в их голове ума и совести. Где наша совесть? В пригородах больших и средних городов России за последнее десятилетие выросли огромные особняки и дворцы, однако, старинные родовые усадьбы по всей России безвозвратно гибнут и гибнут, в первую очередь, не столько из-за отсутствия законов и финансирования, сколько из-за урбанизации и централизации, люди разучились жить на земле – им там просто нечего делать. Какие бы финансы власти не вложили в восстановление усадеб, это пустая трата средств, так как десятки, сотни окрестных деревень прекратили свое существование. Возрождение деревни, земледелия, возвращение народа «на землю» создаст предпосылки для восстановления культурных центров в русских усадьбах. Реституция ситуацию с охраной и восстановлением памятников в общенациональном масштабе не решит. Государству

нужно искать эффективного хозяина не среди бизнеса и старых собственников, а доверить восстановление усадеб самому обществу, необходимо передать права на охрану и восстановление памятников территориальному общественному самоуправлению, которое необходимо наделить правами контроля за расходованием средств на охрану памятников, а также по привлечению средств для восстановления и содержания памятников. Реституция памятников должна быть проведена в пользу территориального общественного самоуправления.

• **Владимир Хутарев-Гарнишевский**

Безусловно, это зависит от финансовой способности самих потомков восстановить памятники архитектуры, принадлежавшие их предкам, а также от уровня государственной поддержки, оказываемой «новым старым» владельцам. Важный идеологический акцент состоит в том, что возвращение потомков в родовые дома станет реализацией доктрины исторической преемственности России современной с многовековой отечественной государственностью. Не на словах, а на деле. Часто мы слышим, что современные владельцы или пользователи памятников халатно относятся к сохранению доставшихся им культурных ценностей, просто уродуют здания. Люди, чьи предки создали эти объекты, априори будут относиться к ним бережно. Практически это могло бы способствовать восстановлению инфраструктуры и среды обитания, культурной среды.

• **2. Каковы, по вашему мнению, должны быть условия и механизм реституции памятников архитектуры?**

• **Николай Бобринский**

На мой взгляд, реституция вообще не должна быть обусловлена исключительно охраной наследия. Ее следует рассматривать, прежде всего, как способ восстановления нарушенного права. В этом качестве она станет весомым доказательством того, что права человека вообще и право собственности в частности

действительно защищены. Для возврата ранее национализированной недвижимости, по-прежнему находящейся в государственной или муниципальной собственности, нет никаких непреодолимых препятствий. Разумеется, разработка механизма реституции требует серьезной научной базы. Ведь для возврата отобранного потребуются сопоставлять архивные материалы с современными данными кадастра недвижимости, технической инвентаризации и межевания.

• **Олег Щербачев**

Механизмы, наверное, надо обсуждать в каждом конкретном случае. Закон должен быть рамочным. Прошло почти сто лет. У каких-то владельцев прямых наследников может и не оказаться (часто по вине того же самого государства: не только отняли, но и расстреляли), но есть, положим, заинтересованные более дальние родственники. Главное здесь найти этих заинтересованных потомков, а правильнее сказать – найти потомков и заинтересовать. Все-таки это большая ответственность и огромные деньги. В других странах государство не только возвращает имения их законным владельцам, но и помогает в восстановлении – хотя бы кредитами на льготных условиях.

• **Евгений Соседов**

Речь идет о некоей «ограниченной» реституции. Памятник должен находиться в государственной и муниципальной собственности, пребывать в неудовлетворительном или аварийном состоянии, но не быть в пользовании каких-либо учреждений культуры, образования и т.д., чтобы не создавались новые конфликты. Процесс реституции должен быть максимально простым и незабюрократизированным. Уполномоченные органы охраны памятников должны оказывать содействие новым собственникам в подготовке и согласовании документации по сохранению таких объектов, возможно предусмотреть и определенные компенсации затрат на восстановление памятников, налоговые льготы. В то же время необходим строгий контроль за действиями новых собственников, за ходом

МНЕНИЕ

проведения реставрационных работ, а также механизмы изъятия памятника и возврата его в государственную собственность в случае, если новый пользователь нарушает требования сохранения объекта культурного наследия или использует его не по назначению.

• **Владимир Хутарев-Гарнишевский**

Говорить о безоговорочном возвращении сложно. Ибо памятник архитектуры, с одной стороны, является наследством его владельцев и создателей, а с другой стороны – общенациональным достоянием. Возможно предусмотреть передачу не только конкретным лицам, но и фондам и объединениям потомков. Учитывая то, что речь идет о лицах, чьи семьи были ущемлены в правах, должны быть некие компенсационные процедуры – субсидии на реставрацию, освобождение от налогообложения сумм, направленных на реставрацию. Конечно же, передача самих объектов бывшим владельцам должна быть безвозмездной с оговоркой конкретного срока проведения полного комплекса реставрационных работ, например, 7-10 лет. Нельзя забывать и о потомках русской эмиграции. Среди них есть состоятельные люди, способные восстановить родовые дома. Но они не понимают, почему они должны выкупить или арендовать изъятые без какой-либо компенсации принадлежавшее их семьям имущество.

3. Можете ли вы привести конкретные примеры и результаты возвращения зданий потомкам владельцев? Есть ли прецедент?

• **Николай Бобринский**

Единственное существующее в настоящий момент безусловное юридическое основание для возврата экспроприированного в советское время имущества – это Закон о реабилитации жертв политических репрессий. В нем такое право закреплено за реабилитированными жертвами политических репрессий и их наследниками первой

очереди. Уже это исключает случаи изъятия имущества вне связи с политическими репрессиями. Однако это исключение не единственное: закон не распространяется на недвижимость, национализированную (муниципализированную) по советскому законодательству. Таким образом, вернуть городские постройки, помещичьи усадьбы и землю невозможно в любом случае. Тем не менее, дети репрессированных до сих пор в достаточно большом числе пытаются вернуть отобранное (как правило, при раскулачивании или депортации) или хотя бы получить почти символическую компенсацию (не более 10 000 рублей). Через суды за последние годы прошли сотни дел по оспариванию отказов в возвращении конфискованного имущества и выплате компенсации за него.

• **Евгений Соседов**

В настоящее время реституция в нашем законодательстве отсутствует. Своеобразной формой реституции является передача имущества религиозного назначения религиозным организациям. В целом этот процесс имеет положительный эффект, хотя есть и серьезные злоупотребления, которые, к сожалению, мы наблюдаем. Передача же памятников гражданской архитектуры потомкам их владельцев происходит самыми разными путями – это и передача в аренду, в пользование, и различные механизмы государственно-частного партнерства, но все это происходит, что называется, «на общих основаниях». По сути, никаких механизмов стимулирования потомков владельцев к использованию и восстановлению исторических объектов не существует, все зависит от наличия возможностей и умения «пробиваться» у каждого конкретного собственника.

В результате многие объекты, которые могли бы получить хозяина в лице потомков их прежних собственников, продолжают разрушаться. Мне известны примеры в Подмоскovie, когда еще в 1990-е и начале 2000-х годов потомки пытались получить и восстановить родовые усадьбы, в частности, Мамонтовы – усадьбу Киреево в Химках,

Усадьба Середниково. Московская область

а Романовы – усадьбу Осташёво в Волоколамском районе. В обоих случаях власти выставили такие условия и такие суммы за приобретение погибающих объектов, что потомки просто отказались от этой идеи. Хотя предоставь им государство данные объекты на приемлемых условиях – они с радостью бы их восстановили. В результате на месте усадьбы Киреево мы наблюдаем гигантскую свалку твердых бытовых отходов, вырубленный парк, засыпанные пруды и автомобильную развязку, на обочине которой среди помойки можно найти остатки фамильного некрополя Мамонтовых и фундаменты храма Сергия Радонежского, где венчались и Савва Мамонтов, и Павел Третьяков. А в усадьбе Осташёво – все те же руины, огороды и полная бесхозяйственность, не считая периодических поползновений к застройке парка.

В качестве положительного примера могу привести усадьбу Середниково, переданную «Национальному Лермонтовскому центру» под руководством М.Ю. Лермонтова, который постепенно реставрирует усадьбу, создал в ней музей, а еще защищает охранные зоны и демонстрирует всем, что усадьбы могут жить и эффективно использоваться. Но здесь многое играет личность. При этом в Середниково тоже есть масса имущественных, финансовых, юридических и других проблем, которые не каждый собственник захотел бы решать и преодолевать.

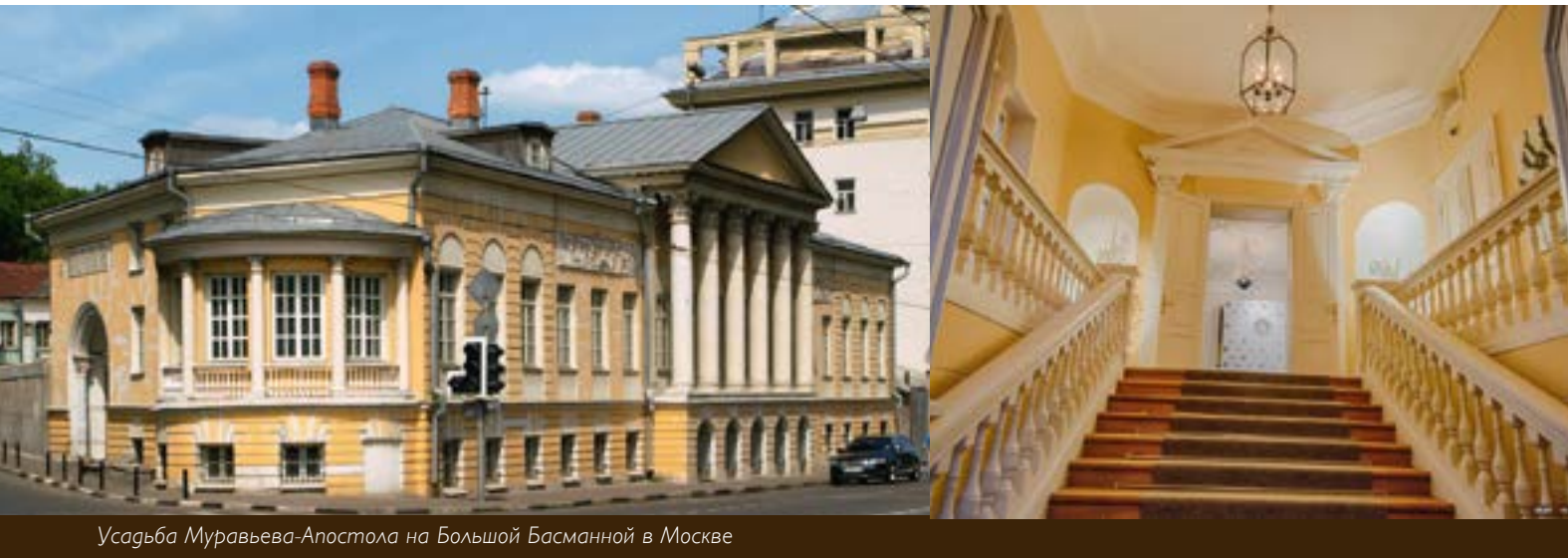

• **Олег Щербачев**

Возвращения не припомню, но успешные примеры выкупа или долгосрочной аренды есть: кроме Середниково, восстановлено Воронино под Ростовом Великим – потомками Леонтьевых, Хвалевское в Вологодской губернии – потомками Качаловых. Если говорить о городских усадьбах, вспоминается дом Пороховщиковых на Арбате.

• **Владимир Хутарев-Гарнишевский**

Таких примеров много в странах Европы, Чехии, Германии, Прибалтике, когда потомки восстанавливают и хранят родовые дома. Самый яркий наш пример – Кристофер Муравьев-Апостол, недавно восстановивший усадьбу предков на Старой Басманной улице в Москве и создавший там музей и культурный центр. За высокий уровень работ он получил Государственную премию. В России есть серьезная проблема демуниципализированного

Усадьба Муравьева-Апостола на Большой Басманной в Москве

имущества. В начале 1920-х годов советская власть, не имея возможности перевернуть огромный жилой фонд, полученный от дореволюционных собственников, вернула значительную его часть обратно на праве собственности бывшим владельцам. Это десятки тысяч зданий. В 1930-х годах их явочным порядком отбирали, но сам закон никто не отменял. Это те самые маленькие домики, на реставрацию которых в бюджете никогда нет денег. Если убежденный революционер и враг частной собственности Ленин из прагматических соображений решился на общегосударственном уровне пересмотреть, по сути, экспроприацию частной собственности, то почему этого нельзя сделать сейчас? Нужна лишь воля.

4. С какими юридическими препонами придётся столкнуться при осуществлении данной программы?

Николай Бобринский

Считаю программу «реституция в обмен на восстановление и содержание памятников» несправедливой и нецелесообразной. Если говорить о реституции без дополнительных условий, главная проблема – невозможность возврата приватизированного имущества. Пересмотр приватизации в интересах старых собственников, на мой взгляд, исключается. Определенные трудности могут возникнуть в тех случаях, когда возвращаемый потомкам

хозяйев объект используется квартиросъемщиками или каким-либо учреждением (на память сразу приходят примеры многолетних конфликтов вокруг Марфо-Мариинской обители и храма Воскресения Христова в Кадашах). Однако для подыскания замены или согласования договора аренды можно дать достаточный срок. Отдельный большой вопрос – распространять ли реституцию на сельскохозяйственные земли и если да, то по каким принципам?

Евгений Соседов

Надо сначала ее создать и прописать юридические механизмы, пока об этом сложно говорить.

Олег Щербачев

Я не юрист. Однако могу предположить, что с юридическими и квазюридическими препонами не столкнуться просто невозможно.

Владимир Хутарев-Гарнишевский

Не уверен, что необходим отдельный закон о

реституции – он может вызвать коллапс с режимами собственности. Установление точного круга наследников – это самая сложная процедура. Мне кажется, разумен заявительный порядок. Главный принцип – передача только в частную собственность и вместе с землей. Именно нерешенность этих двух вопросов отпугивает современных предпринимателей. Даже долгосрочная аренда по рублю за метр или безвозмездное пользование могут быть в любой момент пересмотрены, аннулированы. Правила игры пока таковы, что государство имеет полный контроль, а инвестор в реставрацию – призрачную надежду, что его не обманут через несколько лет и не отнимут восстановленное. Опасаясь пересмотра льготных правил, инвестор будет минимизировать расходы и максимизировать прибыли. Ибо даже при успешном проекте сроки окупаемости достигают 10 лет – вложения в культуру по этому показателю сопоставимы с вложениями в промышленность. Нужны четкие правила, это должна быть, как говорил профессор Преображенский «окончательная бумажка».

5. Чего больше при реституции культурного наследия, – рисков или положительных перспектив? Существует ли практически реализуемая альтернатива?

Николай Бобринский

Государство должно, прежде всего, восстановить нарушенные права или, если это невозможно, возместить ущерб. Задача охраны культурного

наследия должна разрешаться уже исходя из новых условий, в которых многие памятники возвратятся в частную собственность.

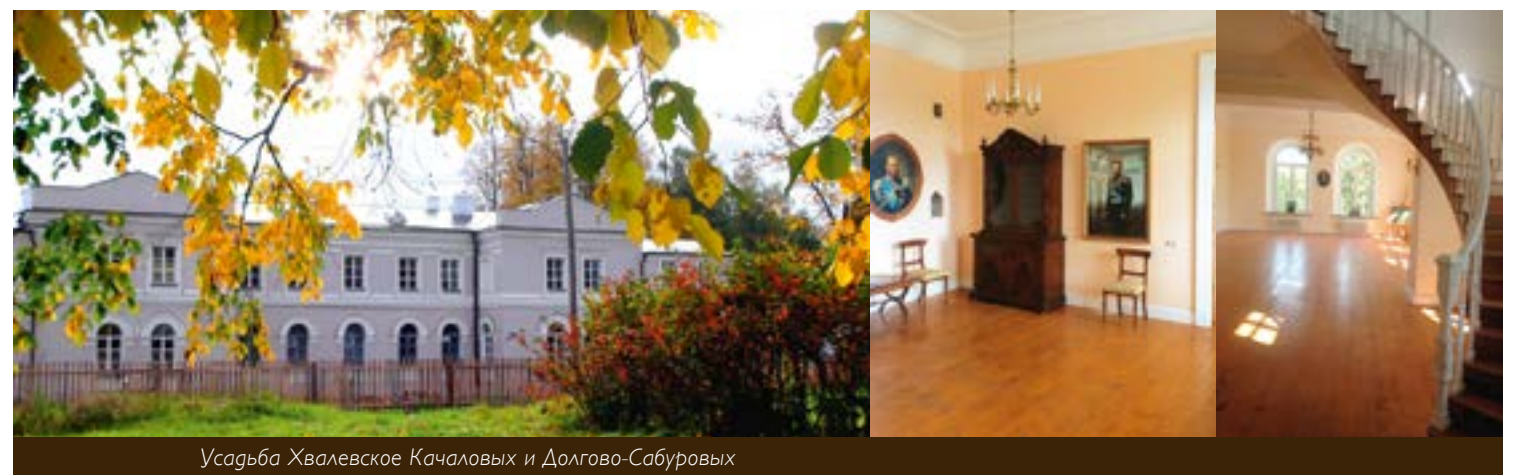
Евгений Соседов

В случае если мы говорим об «ограниченной» реституции и подразумеваем наличие адекватного государственного контроля, то положительных перспектив, очевидно, больше. Но надо быть реалистами и понимать, что реституция не спасет все наши памятники, появление таких ответственных и инициативных потомков, готовых за свой счет восстанавливать гибнущие памятники – это будут скорее единичные случаи. Но, тем не менее, мы не имеем право упускать такую возможность – и, если реституция спасет хотя бы несколько объектов, государство должно создать для этого все необходимые условия.

Олег Щербачев

И того, и другого равно много. Но есть поговорка, очевидно, придуманная бывшими владельцами: кто не рискует, тот не пьет шампанского. Альтернативы частной собственности мир не придумал. У государства денег может хватить на десяток-другой образцово-показательных и туристски раскрученных дворцов, но усадеб по всей стране тысячи и тысячи, не говоря о десятках тысяч несохранившихся и, прибегая к ученому эвфемизму, руинированных. У дома должен быть хозяин. По-другому дом не живет, он ... руинируется.

© foto: wikimedia.org, hvalivskoe.com

Усадьба Хвалевское Качаловых и Долгово-Сабуровых

Реставрация – особый раздел и особая профессия. Редко случается, чтобы практикующий архитектор одинаково успешно реализовывался как в проектах нового строительства, так и в реставрационной практике. Евгений Кокорев – именно такой случай. Со второй половины 2000-х годов он сосредоточился на реставрации. Сегодня Е.Кокорев – лауреат конкурса «Реставрация» 2012, 2013, 2014 и 2015 годов, он удостоен недавно учрежденного звания Почетный реставратор России. Мы попросили его обрисовать положение дел и актуальные проблемы современной реставрационной практики. В настоящее время они поднимаются до общекультурного звучания.

генеральный директор
Проектного Бюро
«Арко»

Евгений Кокорев об идеологических и технологических проблемах реставрационной практики

Реставрация жилого дома Е. Волковой в Леонтьевском переулке (архитектор А. Григорьев).

Реставраторы Е. Кокорев, Е. Константинова. Лауреат премии «Реставрация-2015».

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ

● О последствиях принятия новой редакции Закона «Об объектах культурного наследия»

В начале прошлого года вступил в силу новый Закон о внесении изменений в Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)

народов Российской Федерации», который в том числе регламентирует процедуру согласования проектов реставрации. Не все статьи закона подразумевают прямое действие – требуется разработка подзаконных актов и регламентов. И это значительный объем документации, требующей тщательной проработки. Так что со вступлением закона в силу процесс согласований вынужденно приостанавливается. Иначе

СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА

говоря, Закон, быть может, и хороший, но он не был достаточно подготовлен к вводу в действие. Другой момент – в соответствии с новым законом все, что связано или затрагивает конструктивные решения памятника, должно проходить государственную экспертизу. Как следствие возникает необходимость исполнения постановления №87, а это сопряжено с введением в состав проекта ряда разделов, которые при реставрации памятников, так скажем, не всегда оправданы. Так, доступ маломобильных групп населения или соблюдение требований энергоэффективности не в каждом объекте возможно реализовать в требуемом объеме. Впрочем, то же касается существующих пожарных норм – но к ним-то мы притерлись, разрабатываются спецтехусловия для конкретного памятника и т.п. Еще один аспект - это подключение госэкспертизы, а значит, встает вопрос оснащенности кадрами, подготовленными к работе с памятниками. В частности, предки нередко использовали такие конструкции, которые не поддаются сегодняшним стандартным методам компьютерного расчета. Например, утрачен метод расчета чугунных конструкций. Вернее, просчитать можно, а экспертизу пройти - нет. У меня был случай с 11-метровой металлической балкой, которая в госэкспертизе была забракована как «ненесущая». Конструктору пришлось поднимать германский сортамент 1929 года, показывать отличие способов литья металла – тогдашнего бессемеровского от нынешнего мартеновского и т.д. Более того, при таком способе изготовления металла неприменимы стандартные на сегодняшний день методы усиления конструкций: при приваривании излишки серы по центру профиля выгорают, и несущая способность элемента утрачивается. И подобных нюансов может быть множество. Они могут затягивать согласование на неопределенный срок. В итоге заказчики опять отшатнутся – проще построить новый дом, который и раньше обошелся бы ему в полтора-два раза дешевле, что уж говорить о новой ситуации с новыми накладными расходами. Более того, в экспертизе могут сказать: «Конструкция не несет», как в случае с той самой металлической

балкой, и это станет побудительным мотивом для заказчика снести дом под предлогом его небезопасности. Такого рода вопросы надо продумывать при разработке Закона. В результате может произойти отток средств и специалистов из реставрационной практики.

От новодела до реконструкции

Когда все определяют деньги, это обуславливает и подходы к сохранению и реставрации памятников. Реставрация по определению трудо- и капиталоемкий процесс. В разы дороже нового строительства. Другой фактор – утрата культуры как заказчиков, так и проектировщиков. Есть такие, кто воспринимает памятники утилитарно – дескать, страна большая, памятник не последний, а мне бы сэкономить. В то время как для внешнего пользования: новодел – это крепко, надежно. Да и прирост площадей – не последнее дело. А то, что безвозвратно утрачиваются технологические наработки предков – это не волнует. И сейчас есть примеры, когда памятниками никто не занимается, они пришли в жуткое состояние. Когда дом стоит без крыши годами, любой кирпич не выдержит. Бывает, от памятника остается одна фасадная стена. А сзади к ней приделывают «сундук». Это результат, в том числе, профессиональной нестыковки – с одной стороны, неподготовленных к решению многогранных задач архитекторов, проектирующих новый объем, а с другой - «чистых» реставраторов. Первые пытаются самовыразиться, вторые – сохранить. Кстати, реставраторы зачастую не в состоянии справиться с требованиями по приспособлению, недостает знаний новых материалов, современных технологий и т.д. А архитекторам не хватает культуры проектирования, владения тем же ордером как следствие давнишней борьбы с излишествами и последующего внедрения компьютерных технологий.

Историческая архитектура как школа профессионального мастерства

Знакомство с профессиональными методами архитекторов прошлого, бесспорно, обогащает.

Реставрация особняка Дерожинской (архитектор Ф.Шехтель). Реставратор Е.Кокорев. Лауреат премии «Реставрация-2013». Общий вид. Столовая. Исторические фото. Библиотека / Камин в столовой / Парадная дверь - после реставрации.

Однако время сильно уплотнилось, мир живет в состоянии постоянного ускорения. Основным критерием становится немедленный результат. А предки творили вдумчиво, и их технологии подчас оригинальнее, точнее, долговечнее, качественнее нынешних. К примеру, в храмах закладывалась система естественной вентиляции, которая удаляла, в том числе, пыль. То есть специальные каналы внутри стен работали подобно пылесосу. До такого даже современная зеленая архитектура не дошла. К сожалению, часто бывает: в результате последующих ремонтов эти отверстия законопатили, и родная «вентсистема» не работает. Изучение старых технологий позволяет

ориентировать современное профессиональное сознание на поиск нестандартных решений. Причем в условиях ограниченных средств, когда нет возможности приспособить очередной моторчик. Или еще один пример: в особняке Дерожинской на северном фасаде в прямых были установлены рамы, заполненные стеклянными поворотными зубьями-пирамидками, направлявшими свет в подвал. Можно считать это предтечей хитроумной системы зеркал с линзами, последовательно расставленных под разными углами. Разве такого рода исторические находки не стимулируют современную проектную мысль? Особенностью памятников является то, что они сделаны профессионально – иначе, они не являлись

СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА

Особняк Дерожинской. Главный зал с принтами панно В.Борисова-Мусатова. Реставратор Е.Кокорев.

бы таковыми. Помимо технологических это решение планировочных, пластических, образных задач. Этот сплав неизменно присутствует. Настоящие мастера никогда не ограничивались раскройкой простенков-проемов и прочих пятен на фасадах. Именно поэтому сохранение аутентичности памятника должно оставаться приоритетной задачей.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ

О последствиях эксплуатации

Закрашенные стены – что снаружи, что изнутри – встречаются повсеместно. Да и палитра была крайне ограниченной: краска зеленая – на уровне человеческого роста, выше – краска белая, плюс можно было разбавить – до салатовой. Еще охра. И эта скучная палитра накладывалась на памятник. Все – от бедности. А также безответственности

случайных людей. Закрашивались и росписи стен, и элементы декоративного убранства, и плафоны. На фасадах покрывали краской даже чуть потрескавшиеся изразцовые кирпичики – дабы выглядели поновее. Проще закрасить, чем реставрировать швы. На особняке Дерожинской мы столкнулись с тем, что арендаторы – от китайцев до австралийцев – замазали фигуры, украшавшие самый большой на начало XX века камин. Пришлось снимать восемь слоев краски – до камня. В столовой роспись по эскизам Шехтеля была уничтожена по всему периметру стен, заклеена обоями. В библиотеке роспись потолка с вкраплениями сусального золота была покрыта белой краской. Да и дубовая отделка во всем особняке «сменила» оттенок на более светлый в угоду веяниям сиюминутной моды – это выяснилось, когда сняли латунные накладки, сохранившие под собой исходный цвет. Фасады дома-приюта Мизурина на Б. Пироговской

Реставрация дома Суворова на улице Б.Никитская. Реставратор Е.Кокорев. Интерьеры вестибюля. Фото до и после реставрации.

улице (архитектор И.Иванов-Шиц), выполненные из красного кирпича с штукатурными элементами под белый камень, до нас дошли в светло-желтой гамме. Благодаря сохранившимся авторским эскизам и старым фотографиям первоначальный облик уличных фасадов был известен. А вот дворовые фасады, выполненные в неорусском стиле, с применением нескольких

разновидностей индивидуального узора, выложенного в кладке стены тремя цветами кирпича, стал для нас неожиданностью. К счастью для памятника заказчиком был ГлавУПДК МИД, который с пониманием относится к вынужденному расширению сметы. А бывает так, что клиент склоняется к тому, чтобы попросту скрыть находку. Аналогичная ситуация – в доме Суворова на Б.Никитской. В вестибюле в ходе раскрытия случайно обнаружили полихромные фрески, а в столовой под бело-голубой краской – великолепную роспись по гипсу, которую удалось воссоздать.

Износ конструкций

На доме Перцова нельзя было демонтировать проржавевшие несущие металлические балки-консоли, держащие балконы без опасения утрат кирпичного ограждения с их дивными майоликовыми вставками. Фасад здания, выходящий на храм Христа Спасителя

СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА

Реставрация Дома Перцова в Соймоновском проезде (архитекторы Н.Жуков, Б.Шнауберт, художник С.Малютин).

Реставратор Е.Кокорев.

Реставрация Мизуринского дома-приюта на Пироговской улице (архитектор И.Иванов-Шиц). Реставратор Е.Кокорев.

– именно на нем проводились противоаварийные работы - тоже был неприкосновенен. Мы просверлили плиты перпендикулярно фасаду, провели металлические же балки параллельно существующим, положили на них лист металла, покрасив его краской с гидроизолирующим слоем. В результате внешний вид балконов остался прежним.

На доме Кропоткина сгнившие нижние венцы оштукатуренного сруба пришлось заменить на вертикально поставленные «пеньки». Благодаря чему объем здания обезопасили от вертикальных осадок. А вообще предки обеспечивали проветривание сруба либо защищали его с помощью махорки, которая является великолепным антисептиком. При ремонте дома часто заштукатуривали эти отверстия. Кроме того, не всегда озабочивались применением паропроницаемых покрасок, часто использовали масляную краску, которая образовывала сплошную пленку, запирая влагу внутри. Это касается и штукатурных фасадов, где среди множества слоев краски обнаруживались один-два масляных. В результате нарушается работа фасада – кирпичного, сверху оштукатуренного: штукатурка превращается в труху, реставрации не подлежит.

С махоркой тоже дело обстоит не так просто. В том же Манеже махоркой были засыпаны бетанкуровские фермы. После революции матросы ее нашли да всю и скурили. После чего конструкции начали подгнивать. Другая проблема: если в швах остается известковый раствор, а сверху накладывается цементная штукатурка, цемент с известью вступают в реакцию с увеличением объема, и штукатурный слой отваливается. На памятниках часто сталкиваешься с подобной ситуацией: после того, как оштукатурили цементом, приходится все срубать и штукатурить заново.

СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА

Реставрация дома Игумнова, ныне посольства Франции (архитектор Н.Поздеев). Реставратор Е.Кокорев.

Восстановление утраченных деталей и «довоплощение» авторского замысла

Осыпавшийся на памятнике декор – это стандартная ситуация. С ней, в общем, легко справляются – с гипсом еще умеют работать. Если раньше карниз делали на известковом растворе, который долго застывает, обладает пластичностью, позволяет вносить изменения по ходу, то с цементным раствором так не выйдет – моментально застывает и уже что-то переделывать бесполезно. Соответственно если

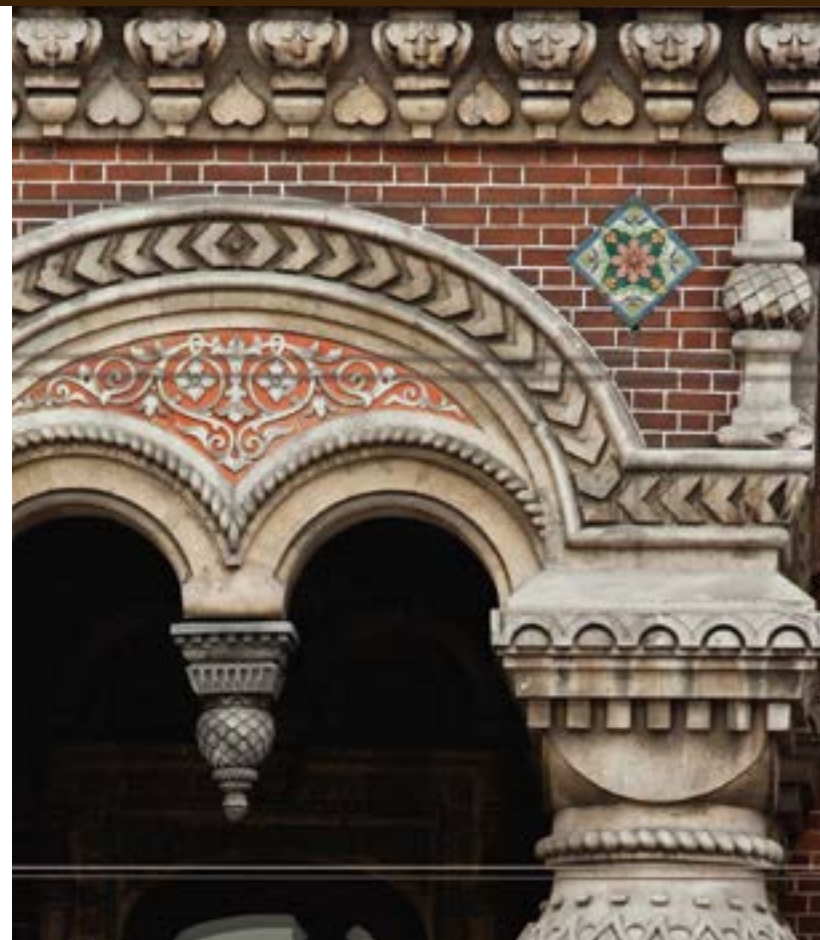

Фото: предоставлены Е.Г. Кокоревым

Реставрация особняка в М.Николопесковском переулке (архитектор П.Заруцкий). Реставратор Е.Кокорев.

вы видите кривоватый карниз, то он наверняка цементный. Вариант – применение гипсовых деталей. Сегодня специальные пропитки и покраски позволяют использовать гипс при наружных работах. Да и раньше были соответствующие технологии – например, варили гипс в олифе. При вычинке белого камня, который не выдерживает современной агрессивной внешней среды, бывает, используют архитектурный бетон. При внешнем сходстве он отличается более высокими техническими характеристиками. Также его применяют при облицовке цоколя, изготовлении деталей декоративного убранства.

Однако на доме Игумнова, ныне посольстве Франции, при протезировании кладки завозили натуральный камень. Скрупулезность следования старым технологиям определяется классом памятника. А вот, продолжая существующую ограду, можно было задействовать и архитектурный бетон. Иногда мы сталкиваемся с авторскими эскизами, которые по тем или иным причинам не были воплощены. Пример – особняк в Малом Николопесковском переулке архитектора П.Заруцкого, где карниз так и не был реализован по причине проблематичности устройства тяжелого в прямом смысле слова необарочного декоративного убранства на деревянном доме. Использование современных

пластиков позволило нам реализовать первоначальный замысел автора, что обогатило силуэт памятника. Другой случай из того же ряда – неосуществленная роспись главного зала особняка Дерожинской. Зал имеет высоту 11 м, нижние 5 м отделаны деревянными панелями, а верхняя часть была задумана под роспись.

Участие И.Грбаря, которого рекомендовал Шехтель, Дерожинская

отвергла – десять тысяч

рублей показали

ей чрезмерными.

Приглашение

В.Борисова-Мусатова,

согласившегося

на вдвое меньшее

вознаграждение, также

закончилось ничем.

Выполненные им эскизы не

понравились хозяйке, очевидно,

смutil сюжет - она увидела в молодых женщинах, олицетворяющих времена года, соперниц. Тогда как в Париже эскизы были приняты на ура. Современные технологии позволили «довоплотить» замысел художника. Даже ГлавУПДК не смогло бы оплатить «живую» роспись такого объема, поэтому было принято решение многократно увеличить эскизы и сделать принты на обоях, которые имитируют фактуру фрески. Это небанальное решение принималось и утверждалось рядом Советов, проходило госэкспертизы и т.д. Мнения были разные. Конечный результат показал оправданность предпринятой попытки «довоплощения» замысла.

Реставрация усадьбы Е.Вандышниковой - Э.Банза на улице Воронцово поле. Реставраторы Е.Кокорев, Е.Константинова.

Лауреат премии «Реставрация-2015».

Несмотря на длинный перечень проблем, сегодня охрана, реставрация и приспособление памятников находятся в центре внимания общественности и власти. Появились частные заказчики. Множатся смотры-конкурсы на лучшие объекты реставрации. Создан Союз реставраторов. Все это уже принесло видимые результаты, вселяя надежду на лучшее...

Об устройстве современных инженерных систем

Это извечная беда памятников. В то же время приспособление по определению предполагает реализацию современных требований комфортности. Мы, конечно, пытаемся использовать «родные» продукты, те самые вентиляционные отверстия и каналы, но редко этим можно ограничиться. Памятники страдают безусловно, и сказать, что устройство современных инженерно-технических систем безальтернативно – слишком смело. Предки решали многие современные проблемы другими способами. Скажем, в поздеевском особняке естественная вентиляция, совмещенная с воздушным отоплением, работала безотказно, однако по

современным нормам она не проходит. К.Тон выиграл конкурс на Кремлевский дворец во многом благодаря лучшему инженерному решению. У него несколько печей вкуче с воздушным отоплением обогревали шестьсот комнат. Аналогов такому сегодня просто нет. По сути, это и есть та самая зеленая архитектура – нынешний мировой тренд. Даже если реставратор раскрывает эти законопаченные отверстия, в современных условиях воздухообмен не всегда удастся восстановить. Сейчас инженерно-техническая начинка предполагает массу охранных, слаботочных и прочих систем. В отдельных случаях доходит до трехсот (!) кабелей. И все они должны быть скрыты от глаз. В деревянных памятниках все это хозяйство должно быть упрятано

в металлические трубы, но последние надо согнуть, состыковать и скрытно провести. Либо пол разбирать, либо стены штробить. Универсальных рецептов здесь не существует – каждый реставратор на конкретном памятнике решает стоящие задачи индивидуально.

Дефицит ремесленных умений и утрата традиций ручного делания

Сегодня и токаря-то найти непросто. Но токарь – это все же массовая профессия, а вот специалист по керамике – это редкость. Несколько памятников, где требуются изразцы, он обслужить в состоянии, а вот если потребность увеличивается – возникают проблемы. Специалистов, работающих со шпиастром – это сплав цинка с оловом, такой мягкий материал,

не поддающийся коррозии, из которого выполнялись декоративные элементы на фасадах – от масок до вазонов, можно по пальцам пересчитать. Сегодня он практически не производится, утрачены навыки работы с этим материалом в скульптуре. Остались лишь те, кто работает с латунью – реставрация люстр, отливка дверных ручек и т.п. Камнетесы тоже в дефиците, потому что проще отлить деталь из архитектурного бетона. Беда с плотниками – мы на одном объекте на протезировании стропильных конструкций меняем по пять-шесть бригад: во многих случаях простую врубку сделать не в состоянии. Можно сказать, тренируются на памятнике. В XIX веке архитектор приглашал артель на свой объект. Сегодня такая практика отсутствует в принципе. Материал подготовил Дмитрий Фесенко

Алексей Шкрапкин: Человек, прикасаясь к своему прошлому, лучше воспринимает настоящее и меняется сам

В 2010 году рамках проекта «Государственно-частное партнерство в сфере культуры» начались работы по восстановлению усадебного комплекса «Скорняково», расположенного в Задонском районе Липецкой области. Сегодня проводятся реставрационные работы по восстановлению первоначального исторического облика поместья великого русского полководца, героя войны 1812 года и войн на Кавказе середины XIX века, декабриста Н.Н. Муравьева-Карского. Предполагается, что усадьба будет функционировать как загородный рекреационно-гостиничный комплекс, ориентированный на российских и зарубежных туристов. Сроки реализации проекта: 2010—2018 годы. Проект воссоздания усадьбы Скорняково вошёл в сборник Министерства культуры «Государственно-частное партнерство в сфере культуры. Успешные проекты регионов России» за 2015 год.

- Вначале был Храм. Точнее – мечта. Мечта восстановить Храм. Усадьба появилась позже. Уже после того, как мечта о храме начала осуществляться. Пришли деньги, началась работа и только потом возникла усадьба.

То, что в этих местах когда-то находилась старинная усадьба – знали... Никаких старинных крыш, которые были бы видны сквозь листву парка... Уже расчищая территорию вокруг храма, наткнулись на руины. Фактически на месте, использовавшемся под деревенскую мусорную свалку, и обнаружили следы белокаменных стен. Стало интересно. Потом, уже позднее, мы нашли несколько кирпичей, торчащих из земли, которые оказались частью другого здания, и именно с этого самого сложного участка мы и начали работу. От усадьбы оставались фрагменты стен старинного барского флигеля, руины еще одного здания, останки скотного двора.

От местных жителей узнали, что на этом месте была усадьба Муравьева-Карского. Далее – этап поиска: статьи, монографии... Интересно, что о владельце усадьбы Николае Николаевиче Муравьеве

О проблемах реставрации, судьбе старинных дворянских усадеб рассуждает Алексей Шкрапкин, владелец усадьбы Скорняково, лауреат всероссийской премии «Меценат года» «за масштабную деятельность по поддержке российской культуры», благотворительную деятельность по поддержке культуры в Липецкой области Санкт Петербургского Международного культурного форума.

РЕГИОНЫ

– русском военачальнике, губернаторе иркутской, тульской губерний, а позднее военном губернаторе Кавказа, получившем за взятие Карса во время Крымской войны прозвище «Карсский», были написаны не только научные работы. В советские годы довольно известный писатель Николай Задонский описал жизнь легендарного полководца. Позже эта книга - «Жизнь Муравьева» нашлась в домашней библиотеке. Но это было позже. А тогда, как только узнал о ее существовании, с трудом, через букинистов, нашел ее и прочитал залпом за несколько дней. Началась обычная исследовательская работа: в книге Задонского содержались ссылки на источники. Дневники Муравьева, существенная часть которых была посвящена жизни в Скорняково, были опубликованы в журнале «Русский архив», издаваемом в свое время Хомяковым. То есть появилась информация о памятнике, об этом месте, о его истории. Но история материальна. Трудно было представить, что в нескольких кирпичах и фрагментах кладки было заключено то, что мы привыкли называть Историей, даже если говорить об истории усадьбы Скорняково. И то, с чем мы столкнулись, было трудно соотнести с тем следом, который оставили и в истории культуры, и в истории государства владельцы и обитатели дворянских усадеб. Не говоря уже о том, что находящиеся в подобном состоянии памятники - это не только разрушенный памятник архитектуры, но и разрушенный образ. И, к сожалению, сегодня, спустя два века, мест, где сквозь листву столетних парков проглядывают старые крыши, некогда великолепных особняков, осталось не так уж и много. Самым большим препятствием, которое тогда пришлось преодолевать – это отсутствие законодательства, регулирующего права собственности на культурно-исторические объекты. Попросту не было Закона. Каким образом приватизировать? А может быть, и вообще не стоит этого делать? Аренда? - может быть, и аренда. Но вопрос аренды – это сложный вопрос: та же самая ставка «рубль за метр» – сегодня это рубль, а завтра? Вопрос тех же земельных отношений. Сейчас кадастровая оценка такая, а завтра она

может измениться. Условия арендного договора могут измениться в любой момент, в зависимости от решения исполнительной власти. И это может произойти сегодня, завтра, послезавтра. Даже несмотря на то, что сегодня появились новые законы, которые лучше регламентируют все эти стороны, многие вопросы все равно остаются нерешенными. Например, с той же приватизацией, с теми же земельными отношениями. Можно приватизировать здание, а землю вокруг него? Кто-нибудь получит землю вокруг этого здания, допустим, по условиям другого аукциона, и случится то, что вокруг культурно-исторического объекта появится какая-нибудь застройка. В итоге памятник будет окончательно оторван от своего культурного контекста. Одновременно приходилось решать и массу других проблем, по большому счету ставших настоящими испытаниями. Например, на территории усадьбы проживало девять семей – и в усадебных зданиях, и в тех постройках, которые были возведены, без какого-либо регулирования – сразу после войны на центральной аллее появилось несколько домов. И это очень понятно, действительно, людям негде было жить. Дома эти надо было расселять, местное руководство из-за проблем с бюджетом не могло сделать этого - дороги не на что строить. А подход был такой, если удастся их расселить, то усадьба сможет стать неким единым комплексом. Пришлось и этим заниматься. Семьям предложили по отдельному деревенскому домику. К счастью, они согласились. Трудностей было много. Например, на территории храма хранились ядовитые удобрения, опять целый комплекс работ - дезактивация грунта, стен. Наверное, самая главная проблема была в том, что это комплекс никому не принадлежал. С одной стороны, все принадлежало всем, с другой – никому. Это, вообще, очень типичная ситуация. Ведь как использовались подобные объекты в недавнем прошлом, в советское время: исправительные учреждения, дома для умалишённых, туберкулезные диспансеры, детские дома, склады, клуб - и последнее в лучшем случае. По сути, не было хозяина. И, естественно, постепенно все приходило в упадок. Фактически стиралась видимая,

Муравьев-Карсский Николай Николаевич и его супруга Наталья Григорьевна с дочерью Антониной

материальная часть истории, и, соответственно, забывалась и менялась другая ее часть - история самого места, людей, то, что в большей мере относится именно к понятию культуры. Складывалось совершенно иное отношение и к самому памятнику. То есть создавался совершенно иной, отличный культурный образ. Такова история русской усадьбы века XX. А это те обстоятельства, те факторы, которые влияли и влияют на наше восприятие истории, на понимание нашего в ней места. Помимо полей, на территории усадьбы когда-то находились кирпичная фабрика, камнетёсные мастерские, ткацкая и коверная фабрика, рыбные промыслы, спиртзавод. И если рыбный промысел существовал всегда, то, например, коверная фабрика, была заложена еще предыдущим владельцем усадьбы – графом Чернышевым. А это конец XVIII века. Спиртзавод – конец XVIII века. Коверная и ткацкая фабрики работали на протяжении всего

XIX века. В соседних усадьбах были и конезавод и животноводческая ферма по разведению овец – овечья шерсть шла на нужды армии. Но вся эта инфраструктура складывалась не сразу. И Скорняково – яркий пример того, как хозяин-дворянин меняет свое отношение к изменяющимся экономическим условиям. Кстати, это отразилось и в архитектурном облике усадеб того времени. В Скорняково практически все здания построены или перестроены уже в середине 1840-х годов. По архитектурному стилю усадьба - это итальянская ферма. Продуманная, рациональная застройка. Ничего лишнего, нарочито помпезного. И та же рациональность в письмах Муравьева своему управляющему. Как только у памятника появляется хозяин, вслед за этим меняется инфраструктура, появляются рабочие места. А это влияет и на финансы, на те же самые налоги, отчисления в бюджет. То есть происходит то, что, становясь востребованным, памятник

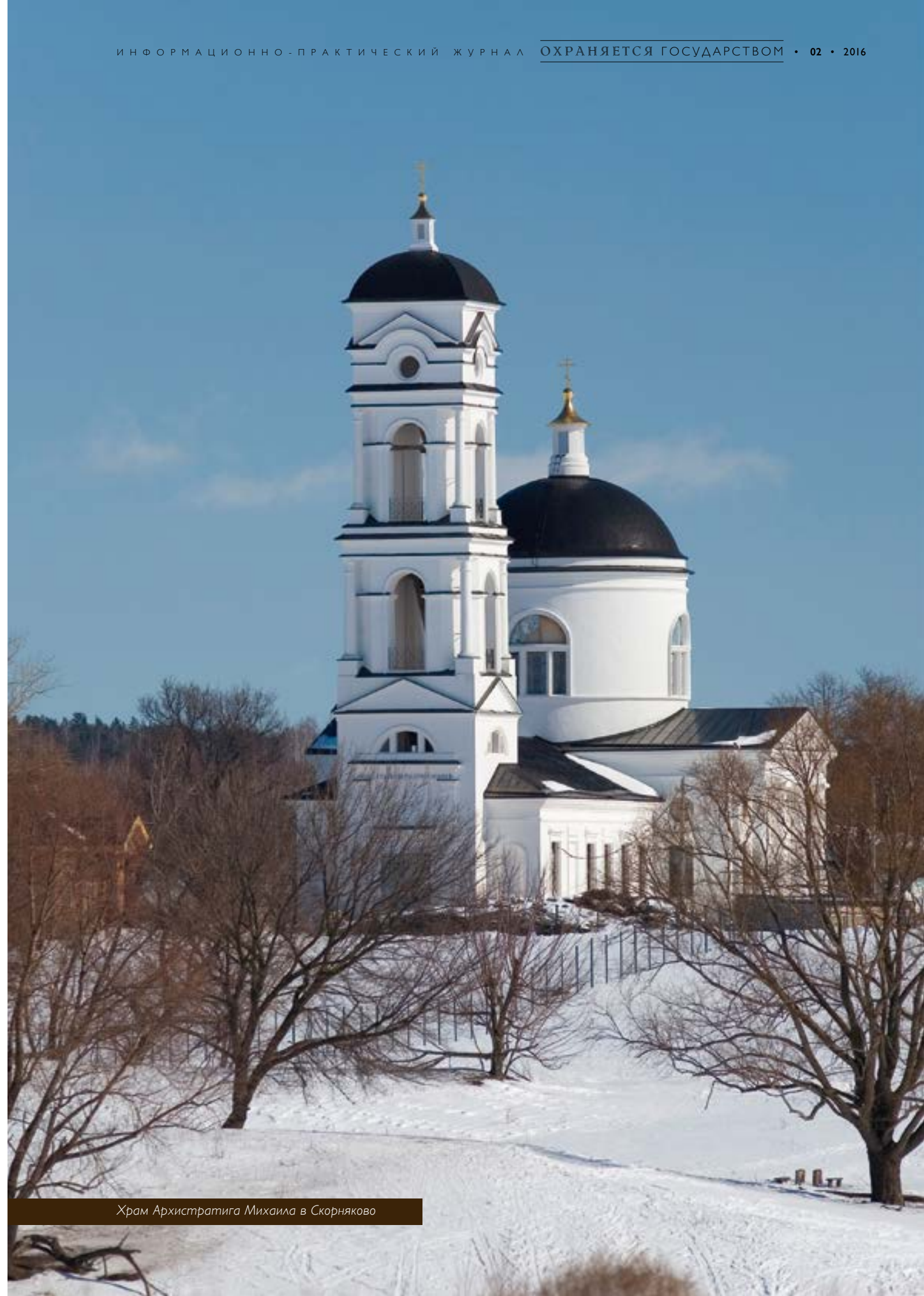
РЕГИОНЫ

вновь встраивается в современные социально-экономические структуры. Просчитать экономический эффект и привести точные цифры сложно, мы говорим о тенденции, твердой, основанной на нашем опыте. И, опираясь на него, можно сказать, что меняется пространство, меняется мир вокруг. Так, в Скорняково, начав реставрировать усадьбу, мы создали небольшую фабрику по обработке камня, сначала для нужд усадьбы, теперь этот камень мы продаем по всей России, основали реставрационную компанию, которая сейчас также работает по всей стране, естественно, и туризм развивается. В отреставрированных зданиях, а порой это целые комплексы, размещаются, как правило, офисы, и на сегодняшний момент это, наверное, не так уж и плохо. С другой стороны, например, большой современный торговый центр всегда легче построить заново. Сейчас усадьба Скорняково вошла в туристско-рекреационный кластер «Задонщина» Липецкой области. Но ведь было бы гораздо легче вместо руин, оставшихся на месте усадьбы, построить современный туристический комплекс. С точки зрения бизнеса это было бы абсолютно верным и оправданным решением. Но есть и другая сторона туристического бизнеса и связана она непосредственно с историей, с тем местом, где формировалась часть нашего культурного наследия. У старого комплекса всегда есть конкурентное преимущество. Невозможно в чистом поле построить второе имение Муравьева-Карского. Можно построить хороший туристический комплекс, назвать его усадьба Скорняково. Можно даже воспроизвести архитектурный стиль. Но это будет даже не копия. В копии не могут быть заключены все компоненты истории. Истории как процесса. Это можно сравнить с репринтным изданием старой летописи, в котором отсутствуют многие страницы...

Это лишь одна сторона проблемы. Есть и другая: ведь реставрируя памятник, самая главная задача – это не только вернуть памятник в контекст Истории и Культуры, но и вписать его в современное экономическое пространство. Это хорошо видно на примере Скорняково: всегда существуют задачи

приземленные и возвышенные, есть тактические и есть стратегические. И если брать тактическую сторону, то все выглядит довольно просто – комплекс должен себя содержать, и в этом, кстати, большая проблема нынешних музеев. Ведь сегодня многие музеи по различным причинам не реализуют полностью свой потенциал, даже в случае, если они имеют дотации. А если эти дотации завтра прекратятся – не означает же это, что музеи должны исчезнуть? Поэтому очень важно, чтобы в идеале памятник представлял бы из себя некий продукт, который был бы востребован потребителем. Есть еще и стратегическая задача – возрождая культурное наследие, менять не только мир, пространство вокруг, но и людей. И здесь уместен такой пример: храм Архистратига Михаила, который мы восстановили – сейчас это приходская, деревенская церковь с устоявшимся числом прихожан, но на праздничной Рождественской службе в храм практически невозможно было зайти, так как помимо прихожан – местных жителей, было очень много туристов, приехавших на новогодние праздники в усадьбу. И половина из них была молодежь. Сегодня заметна такая интересная тенденция – многие туристы приезжают специально на культурные мероприятия, то есть люди осознанно или неосознанно едут за своей историей и культурой. А то, что сейчас не самые простые времена для страны – это, безусловно, так. Но если говорить о сегодняшнем дне, то российская культура и как явление, и как продукт – это очень востребованная вещь на Западе. Нужно только научиться правильно ее преподносить. Ведь сохраняя и реставрируя историко-культурные объекты, мы, если хотите, перезапускаем своеобразную цепочку. Цепочку, где экономика оказывает влияние на историю и культуру, а культура, в свою очередь, оказывает влияние на экономику и социальные процессы. И все это происходит здесь, на наших глазах. А сегодня наша российская культура – это одно из наших главных конкурентных преимуществ. Важно только во время его реализовать.

Материал подготовил Кирилл Коваль

Храм Архистратига Михаила в Скорняково

ХРАНИТЕЛИ

Сохраняя прошлое, создавая будущее

ТОРОПЕЦКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Понятие «памятник» неотделимо от слова «память». Память о прошлых победах, история минувших дней – это не просто «преданья старины глубокой», которые мы слышим в детстве. Это дома, в которых мы выросли, церкви, мимо которых ходили каждый день. Это знакомая линия горизонта, очерченная крышами родного города. Сегодня к этой простой мысли приходит все большее количество людей. Торопец – это город, где местные жители и исследователи из других регионов объединились в Торопецкое историческое общество, чтобы сохранить и приумножить архитектурное и историческое наследие своего родного дома. Национальный дух, национальное самосознание, казалось бы, так далеки от медленно ветшающих крыш старых особняков – однако они находятся в неразрывной связи. В Торопце верят, что оберегание архитектурного облика города – это способ помнить, кто мы.

Юлия
Ракитина

● Общественное движение было создано в мае 2011 года с целью защиты, сохранения и популяризации культурного, исторического и архитектурного наследия Торопца и Торопецкого района. Ирина Трояновская, специалист по государственному и муниципальному управлению, поначалу собиралась открыть в Торопце художественную галерею. Ее сильно удивило,

как быстро и равнодушно ей «отдали на откуп» историческое здание XVIII века. А после того, как Ирина изучила местные архивы, стало ясно – торопецкие архитектурные памятники необходимо спасать, иначе их постигнет судьба многих безвозвратно утерянных сокровищ прошлого. «Я помню, что происходило в столице, и не хочу, чтобы здесь повторилась московская история» – так Ирина Трояновская объяснила журналистам создание Торопецкого исторического общества. В состав Торопецкого исторического общества вошли не только представители местной интеллигенции, но и жители других регионов, архитекторы, музыканты, художники, историки, журналисты, многочисленные энтузиасты, которым была небезразлична судьба разрушающихся памятников Торопца. Отличительной особенностью общества стало то, что изначально уникальную красоту города заметили и оценили случайные гости Торопца – фотографы, художники, кинематографисты, историки, архитекторы. «В отличие от местных жителей, мы увидели город немного со стороны - это нас и подтолкнуло. Горожане не замечали, насколько интересен Торопец, как их наследие может стать отправной точкой развития города» – считает Ирина Трояновская. Их пример

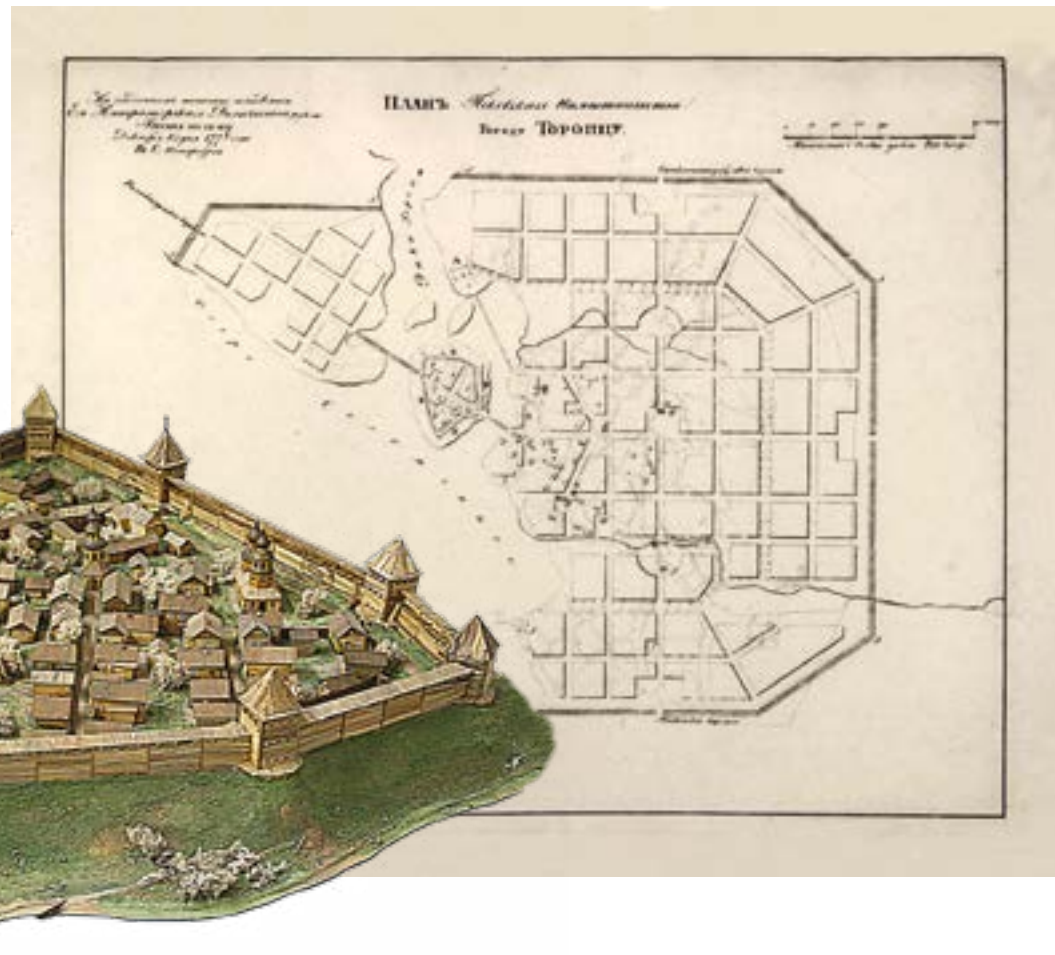
оказался заразителен, и за столичной интеллигенцией потянулись и сами торопчане, как будто заново влюбившиеся в родные места. Постепенно отношение к городу поменялось. Сейчас он ревностно храним самими жителями, которые, наконец, осознали ценность своего жилого исторического центра, уникальных объектов, которые делают Торопец городом со своим особенным характером. Ключевым аспектом работы Торопецкого исторического общества является личная вовлеченность, эмоциональная сопричастность участников. Это не просто люди, заинтересованные в сохранении архитектурной подлинности города и оценивающие объекты с точки зрения художественной ценности. Это жители города, это местные краеведы, для которых каждое здание и каждая церковь – родные пенаты. Многие энтузиасты этого общества выросли в Торопце, кто-то переехал из других городов, здесь же растут их дети. Именно поэтому их ответ на вопрос «зачем?» звучит так искренне и убедительно: «Чтобы спасти и сохранить древний красивый город, который мы любим. Чтобы наши дети и внуки смогли бы увидеть уникальные памятники архитектуры и прекрасные виды Торопца не только на старых черно-белых фотографиях, но и в жизни».

ХРАНИТЕЛИ

План города Торопец
1778 года

Макет Торопецкого кремля
XIII века. Торопецкий
краеведческий музей

Торопец расположен на западе Валдайской возвышенности, у истока реки Торопа из озера Соломено. Город является административным центром одноименного района Тверской области. На небольшой территории, всего 22 квадратных километра, проживают 12 тысяч жителей. Несмотря на такие скромные размеры, Торопец – настоящая сокровищница для историков, археологов и любителей старины. Благодаря богатой истории этого места, в нем находятся более 200 объектов культурного наследия. Впервые Торопец упоминается в летописях косвенно, как родина «торопчанина преподобного Исаакия Печерского» в 1074 году. Сам же город известен с 1168 года как центр Торопецкого княжества. Тогда в центре города были насыпаны валы, сохранившиеся и по сей день. История города в Средние века была столь же бурной и беспокойной, как течение реки Торопы. Военные победы и поражения, интриги князей и тесные связи с народами от эстов (предки современных эстонцев) до поляков – всё это предопределило историческое и культурное наследие

региона, которое сегодня нуждается в сохранении. Через город проходил знаменитый путь «из варяг в греки», отчасти поэтому Торопец так богат на исторические события и оставшиеся от них архитектурные свидетельства былой славы. Граница с полоцкими, новгородскими и смоленскими землями, Торопецкое княжество находилось в центре экономического и культурного обмена. В 1212 году Торопецкие войска участвовали в походе в Северную Эстонию с Мстиславом Удатным, а через 33 года уже сами с успехом отбили атаку литовского войска. Во многом этому способствовало то, что Торопец имел особое значение для Александра Невского не только как город на рубеже с западными землями, но и место его венчания с полоцкой княжной Александрой в 1239 году. Полтора века спустя Торопец вошел в состав Великого княжества Литовского, однако в 1503 году вернулся в состав России. Во времена Смуты город был захвачен поляками, а затем участился и нападения украинских казаков. Несмотря на постоянные войны, в XVI веке Торопец становится торгово-ремесленным центром исключительной важности.

Даже столь краткий рассказ о прошлом города дает понять, что работа Торопецкого исторического общества абсолютно необходима для сохранения этого уникального места. На территории города находится 41 памятник культуры федерального значения и около 100 – регионального. Очевидно, что такое обширное и разнообразное наследие требует пристального внимания и комплексного подхода, который можно реализовать только при наличии специальной градозащитной организации. «Первое и главное, что необходимо сделать, — это сохранить овеച്ചествлённую историческую память, защитив эту территорию от «дикого капитализма», от произвольных изменений ландшафта, масштабных разрытий, порубок лесов, непродуманного строительства и др. Параллельно нужно провести детальные археологические разведки, поставить выявленные объекты на государственную охрану, провести этнографическую и фольклорную экспедиции, полевую реконструкцию исторических путей сообщения и волоков, выявить и опубликовать основной корпус письменных источников разных эпох по этой территории. Собранные материалы станут основой музейной и культурно-просветительской деятельности, создания культурного и духовного центра. Так же, как Торопецкая земля в течение веков защищала Россию от неприятеля, так и Россия ныне обязана защитить Торопецкую землю от равнодушия и посягательств, обязана сделать всё возможное для её процветания и сохранения исторической памяти о великом прошлом» – к такому выводу пришел В.М. Воробьев, доктор культурологии, профессор Государственной академии славянской культуры. Сейчас Торопецкое историческое общество реализует работу в нескольких направлениях. Оперативная работа общества заключается в выявлении, инспектировании и постановке на учет объектов культурного наследия. Несмотря на необходимость пробиваться сквозь бюрократические дебри, разыскивать информацию в архивах и привлекать часто занятых профессионалов, это отлаженный механизм, позволяющий вовремя найти памятник и привлечь к нему внимание.

ХРАНИТЕЛИ

Архитектурное направление деятельности общества курируют архитекторы, реставраторы и строители, анализирующие современное состояние памятников архитектуры города. Разработка профессионалами идей и проектов, сохраняющих и восстанавливающих среду города – это важнейший этап в работе Торопецкого исторического общества.

Конечно, привлечение внимания общественности и власти к проблемам исторических объектов невозможно без хорошо организованной работы информационного направления. Энтузиастами Торопца осуществляется не только работа со СМИ, но и поиск информации, работа с архивами, оформление графических материалов. Историки, архивисты, краеведы, генеалоги и журналисты осуществляют работу исследовательского направления. Бесценные воспоминания исследователей города и местных жителей позволяют восстановить более полную картину прошлого, облик города таким, каким он был десятилетия назад. Правовой аспект градозащитной деятельности сложно переоценить. Это во многом самая сложная, но при этом и чрезвычайно важная работа. Члены общества занимаются оказанием юридической помощи населению, взаимодействием с госорганами, участием в законотворчестве и защитой исторических интересов Торопца в судебных заседаниях. Ни один объект культурного значения, будь то церковь, жилой дом или даже древний вал в исторической части города, не находится в отрыве от людей, живущих рядом с ним. Чтобы необходимость сохранения исторических памятников архитектуры осознавалась гражданами, памятники должны быть встроены в их восприятие своей национальной идентичности. Поэтому Торопецкое историческое общество реализует множество спецпроектов, таких как презентации, фестивали, мастер-классы и выставки, направленные на популяризацию градозащитной деятельности и знакомство населения с уникальными объектами Торопца.

Что же касается реальных акций, то деятельность Торопецкого исторического общества началась с победы. В ноябре 2011 года торговая сеть «Магнит» решила открыть один из своих магазинов в историческом особняке XVIII века, памятнике федерального значения «Торговые ряды». Бдительные активисты Торопца обнаружили, что в здании ведутся строительные работы с множественными нарушениями. Вопрос о том, почему вообще супермаркет открывается в таком ценном с исторической точки зрения здании, также предстояло осветить для широкой публики. Горожане были возмущены. Они писали жалобы в соответствующие инстанции, в СМИ, а в Торопецком историческом обществе шли жаркие обсуждения, как решить скандальную ситуацию. При помощи местной полиции историческому обществу удалось остановить работы, пока памятнику не был нанесен непоправимый вред. После обращения в Главное управление по охране объектов культурного наследия Тверской области в Торопец приехала комиссия для выяснения положения с памятником и остановки незаконных работ. К счастью, под таким нажимом «Магнит» сдался, и все работы были проведены с консультациями специалистов. Здание не пострадало, а Торопецкое историческое общество праздновало первую победу.

В мае 2013 года в городе прошла градозащитная акция: на пятидесяти зданиях появились самодельные таблички с надписью «Памятник архитектуры. Охраняется государством». Таким образом активисты исторического общества хотели привлечь внимание общества к тому, как богат их город – и как быстро он разрушается без должной поддержки. Акция оказалась невероятно популярной, о ней говорили в местных и федеральных СМИ, по телевидению, социальные сети бурлили одобрением. «Мы хотели своей акцией привлечь внимание к проблеме сохранения памятников, – объяснила тогда Ирина Трояновская, – спровоцировать дискуссию, обсуждение. И нам интересны как положительные, так и отрицательные отзывы. Наше дело – вернуть зданиям их историю, напомнить о ней людям. А если собственник считает нужным, он закажет

уже не временную, а постоянную табличку». Так и произошло. Проблемы реставрации, консервации и реконструкции своего наследия стали интересны как местным чиновникам, самим торопчанам, так и отделению ВООПИиК. Многие из этих табличек заменили на постоянные, а многие остались на своих местах до сих пор.

ХРАНИТЕЛИ

Чтобы лучше понять, как организовать дальнейшее взаимодействие и наладить постоянный контакт с местными жителями по вопросам градозащиты, Торопецкое историческое общество пошло по небанальному пути. Совместно с архитектурной студией «Аппарат» летом 2013 года они провели социологическое исследование. 28 июля в Торопце отмечается день города. К этой дате активисты разработали подробную карту города с обозначением всех архитектурно-исторических памятников города. Карту раздавали в день праздника, а жители с удовольствием отвечали на вопросы.

Результаты оказались обнадеживающими. Несмотря на то, что коренными жителями Торопца оказались только 59% опрошенных, а 41% - приезжими, уезжать из города не захотело подавляющее большинство (79%). Многие связали свой переезд в Торопец с желанием жить именно в этом городе. Часто упоминались такие плюсы жизни в городе, как достопримечательности, старинные дома, большое количество церквей. Несмотря на объективные трудности небольшого городка, большинство респондентов связали свое будущее именно с Торопцом. Это позволило предположить, что горожане готовы к улучшению городской среды, в том числе и с архитектурно-исторической точки зрения. Положительные характеристики, которые видят в городе жители, относятся скорее к прошлому, истории города и сохранившемуся наследию. Однако большинство людей связало эти ценности и с будущим Торопца – как ресурс для развития города и для привлечения туристов.

Корпусная Ветеринарный садик, 1764-1868 г.
 Ветеринарный садик – это первый садик в городе – созданный Ветеринарным садиком в 1764 году, в котором в то время находились садоводы, а также, в то время, в саду находились садоводы, а также, в то время, в саду находились садоводы...

Малое Городище
 Малое Городище – это первый садик в городе – созданный Ветеринарным садиком в 1764 году, в котором в то время находились садоводы, а также, в то время, в саду находились садоводы...

Монастырские церкви, 1716-1771 г.
 Монастырские церкви – это первый садик в городе – созданный Ветеринарным садиком в 1764 году, в котором в то время находились садоводы, а также, в то время, в саду находились садоводы...

Монастырские церкви, 1868 г.
 Монастырские церкви – это первый садик в городе – созданный Ветеринарным садиком в 1764 году, в котором в то время находились садоводы, а также, в то время, в саду находились садоводы...

Монастырские церкви, 1764 г.
 Монастырские церкви – это первый садик в городе – созданный Ветеринарным садиком в 1764 году, в котором в то время находились садоводы, а также, в то время, в саду находились садоводы...

Свято-Преображенская церковь, 1796 г.
 Свято-Преображенская церковь – это первый садик в городе – созданный Ветеринарным садиком в 1764 году, в котором в то время находились садоводы, а также, в то время, в саду находились садоводы...

Жилый дом 1870 года (дом семьи Ветеринаров)
 Жилый дом 1870 года – это первый садик в городе – созданный Ветеринарным садиком в 1764 году, в котором в то время находились садоводы, а также, в то время, в саду находились садоводы...

Жилый дом 2-й пол. XVIII века (дом семьи Шварцкопф)
 Жилый дом 2-й пол. XVIII века – это первый садик в городе – созданный Ветеринарным садиком в 1764 году, в котором в то время находились садоводы, а также, в то время, в саду находились садоводы...

Торопецкие здания – Дом с садиком, 2-й пол. XVIII в.
 Торопецкие здания – Дом с садиком – это первый садик в городе – созданный Ветеринарным садиком в 1764 году, в котором в то время находились садоводы, а также, в то время, в саду находились садоводы...

Высокое малое городище
 Высокое малое городище – это первый садик в городе – созданный Ветеринарным садиком в 1764 году, в котором в то время находились садоводы, а также, в то время, в саду находились садоводы...

ХРАНИТЕЛИ

Корсунско-Богородицкий собор и икона Богоматерь Торопецкая

В Торопце и Торопецкой области действительно есть, что сохранять. Валы двух древних городищ неизменно привлекают туристов. В южной части города располагается Высокое Малое городище, а возле устья реки Торопы – Большое Старое городище. Большой популярностью пользуется недавно отреставрированный Корсунско-Богородицкий собор конца XVIII века, где ранее хранилась уникальная икона XII-XIV веков Богоматерь Одигитрия (также известная как «Эфесская», «Полоцкая», «Корсунская» и «Торопецкая»). До 2009 года в связи с неудовлетворительным состоянием она хранилась в Русском музее, однако благодаря усилиям местных активистов сейчас рассматривается вопрос о ее возвращении в родной город. В Торопце находится большое количество интереснейших церквей: Никольская (1669), Казанская (1698—1765), Иоанна Предтечи (1703), Богоявленская (1764), Покровская (1777), Спасо-Преображенская (1706). Неповторимый облик города во многом связан и с дошедшими до наших дней жилыми домами и особняками середины XVIII — первой половины XIX веков.

Сейчас в Торопецком историческом обществе считают, что с самым сложным – «раскачкой» населения – они справились. Местные жители привыкли к тому, что Торопец – не просто городок, а настоящее историческое поселение. Вопросы сохранения наследия города больше не вызывают недоумение ни у торопчан, ни у местной администрации. Торопец – уникальный в своем роде пример, как искренний интерес к городу и его истории, уважение к жителям и широкомасштабная работа способны буквально остановить время и спасти город.

Фото: wikimedia.org, brizu

Церковь Покрова Богородицы

11 марта 2016 года в Государственном историко-литературном музее-заповеднике А.С. Пушкина в Больших Вязёмах открылась третья по очереди уникальная выставка работ художника, иконописца и реставратора графа Владимира Алексеевича Комаровского (1883-1937).

Владимир Комаровский СУДЬБА ИКОНОПИСЦА

Лидия Головкова

● Первая выставка работ Комаровского состоялась в 2004 г. по соседству с погребальными бутовскими рвами в специально оборудованном помещении. Место было выбрано неслучайно. Комаровский был одним из почти сотни отечественных художников, расстрелянных на Бутовском полигоне. Этой участи не избежали: Лев Гальперин, Густав Клуцис, Владимир Тимирёв и Владимир фон Эссен, руководители российской ассоциации пролетарских художников Вязьменский, Коннов и Северденко. Известные

живописцы, скульпторы, графики и скромные оформители витрин, шрифтовики, текстильщики; люди в расцвете сил и таланта, и художники, чье дарование только обещало расцвет в дальнейшем. Художники на любой вкус: авангардисты и соцреалисты. Весной 1938 года было даже заведено дело «боевой террористической группы московских художников». На открытии выставки настоятель храма Новомучеников и исповедников Российских в Бутово о. Кирилл Каледа отслужил литию по художнику Комаровскому.

На экспозиции были представлены выполненные маслом портреты о. Павла Флоренского, графа Олсуфьева, автопортрет художника, карандашные зарисовки и наброски. Среди эскизов для храмовых росписей была представлена акварель «Шествие праведников в рай»...

Центральным экспонатом стала написанная Комаровским в 1919 году в разгар русского лихолетья Донская икона Божией Матери – один из лучших иконописных ликов Богородицы XX века. Икона большая, выполненная на доске 117,5 на 79 сантиметров. Она хранилась в часовне на краю лесного деревенского кладбища в Переделкино. Двери молельни никогда не закрывались, а перед иконой неугасимо горела лампада. После разрушения часовни в конце 1920-х годов крестьянка деревни Рассказовка использовала икону в качестве стола, а потом икона была утеряна. Только в 1970 году ее чудом нашла в сарае одного из домов дочь художника – Антонина, которой помогал в поисках искусствовед В. Сергеев. Она выкупила икону и увезла в Москву, где её в течение нескольких лет реставрировали. После открытия служб в Свято-Даниловом монастыре образ был безвозмездно передан братии и по сей день находится в нижней Покровской церкви храма Святых Отцов Семи Вселенских Соборов монастыря. Образ был передан с просьбой вечного заупокойного поминания иконописца Владимира Комаровского. Икона аттестована Л.А. Успенским в его неоднократно переиздававшейся монографии «Богословие иконы...» как выдающееся произведение иконописи XX века.

Икона Донской Божией Матери является ключом к целому пласту творчества Комаровского, связанному с Куликовской битвой. Согласно преданию, оригинал этой иконы был передан донскими казаками московскому князю Дмитрию Ивановичу накануне судьбоносного для русской истории побоища с Мамаем. Современные исследователи полагают, что подлинная икона была написана Феофаном Греком по заказу вдовы князя Евдокии Дмитриевны. Древнерусская тематика в творчестве иконописца реализована в виде алтаря храма во имя

Автопортрет художника

преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле. Заказчиком выступал университетский друг, двоюродный брат художника искусствовед и реставратор граф Юрий Олсуфьев, который руководил строительным комитетом храма. Отец Олсуфьева за 10 лет до начала строительства пожертвовал 40 десятин земли под возведение храмового комплекса.

Храм на Куликовом поле был построен в 1913-1917 годах по проекту и под руководством академика архитектуры Алексея Щусева в неорусском стиле. Автор умело соединил элементы русского зодчества XIV–XVI веков с приемами модерна. Так, самый большой купол храма и одна из кровель выполнены в виде древнерусских шлемов, конусообразного и полукруглого. Звонница имеет сходство с более поздним проектом архитектора – храмом на Братском кладбище воинов Первой мировой войны. Проект иконостаса был выполнен Комаровским в родовом имении Ракша Тамбовской губернии, принадлежавшей деду иконописца, – В.Г. Безобразову. В одном из флигелей усадьбы Комаровский оборудовал мастерскую. Проект был отправлен Олсуфьеву весной 1914 года. Вскоре пришла телеграмма от «заказчика» – выдающегося знатока

ДОСТОЯНИЕ

и строгого ценителя иконописи: «Сегодня открыли иконы, поражены красотой». В работе над проектом участвовал также маститый художник-иконописец Дмитрий Семёнович Стеллецкий. В написании икон для храма художникам помогал 18-летний отрок, делавший прорисовку по левкасу, – будущий известный мастер – Александр Дмитриевич Корин. Иконостас был уничтожен в годы советской власти, однако, сохранилась часть его акварельных эскизов. Именно по ним в наши дни были восстановлены казалось бы навсегда утерянные росписи.

В 1910-1911 годах совместно со Стеллецким Комаровский работал также над иконостасом храма равноапостольных Константина и Елены в имени Александра Оттоновича Медема на хуторе Александрия, неподалеку от города Хвалынска на Волге. Именно в эти годы у художника зарождается исследовательский интерес к средневековой русской иконе. Это поворотный момент в его творческой биографии. В 1910 году в Русском музее (тогда – Музее Императора Александра III) открылся отдел древнерусского искусства. Хранитель Музея – художник, ученик Репина, родственник и друг Олсуфьева и Комаровского – П.И. Нерадовский. Это было время возрождения древнерусской иконописи – в прямом и переносном смысле этого

слова. Над расчисткой икон работали лучшие художники-реставраторы; иконы, очищенные от позднейших ремесленных записей, поражали своей первозданной красотой и производили, по словам Нерадовского, «потрясающее впечатление». Отныне Владимир Алексеевич связал свою жизнь с церковной живописью. Он много работал, делал копии со старинных образцов, изучал технологию иконописи. Незабываемое впечатление произвел иконостас Федоровского собора в Царском селе, созданный старообрядцами. Комаровский писал про старообрядческое искусство: «В исключительных случаях, при особой одаренности они могут быть хорошими копиистами. Но, вооружившись их знаниями, даже при художественном вкусе и одаренности, нельзя не только написать икону, но и создать иконописное закономерное построение, а это должно быть единственной целью стремящегося к оживотворению иконописи. Икона, написанная хотя бы и со вкусом, но без творческого осознания законов иконописного тела, производит впечатление совсем обратное тому, какое она должна производить. Как бы она ни походила на древнюю икону высокого стиля, она фальшива и тем более, чем более отдельные ее элементы походят на древние». Владимир Комаровский слыл не только художником-

иконописцем, но и выдающимся теоретиком иконописи. Один из основателей общества «Русская икона», член редакционного совета одноименного сборника – он заботился о воспитании хорошего вкуса и понимании в деле иконописного убранства храма: «...Не делайте роскошного, дорогого и бесполезного издания, – советует он П.И. Нерадовскому, председателю Общества изучения древнерусской иконописи, – мне кажется, что теперь большая потребность в популяризации иконописи, особенно среди духовенства. Издание икон музея Императора Александра III с соответствующим предисловием могло бы сыграть большую роль в деле... обновления церковной богослужебной красоты».

Интересно, что само общество «Русская икона», почившее в бозе в советской России под гнетом репрессий, возродилось позднее в среде русской старообрядческой эмиграции. В 1927 году известный эмигрант из семьи московских промышленников и банкиров-староверов Владимир Павлович Рябушинский создает общество «Икона», объединившее лучших русских живописцев и искусствоведов. Одним из экспертов общества стал Дмитрий Стеллецкий. Основными задачами общества стали изучение икон как памятников национального

Храм преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле и икона Донской Богоматери кисти Комаровского

Фото предоставлены автором

Слева направо граф Олсуфьев, Д.С. Стеллецкий, П.И. Нерадовский

ДОСТОЯНИЕ

русского творчества и богословское и каноническое изучение икон с точки зрения их церковного и литургического содержания, написание икон для церковных целей и для молитвенных надобностей. В начале 1915 года Владимир Алексеевич с семьей выехал в Тифлис, где включился в работу Всероссийского земского союза по организации лазаретов для раненых. В домашнем архиве Комаровских сохранилось несколько работ того времени, сделанных Владимиром Алексеевичем в окрестностях Тифлиса. Летом 1915 года, живя в Мцхете, Олсуфьевы восстановили небольшую древнюю церковь в Ольгином монастыре. Эскиз каменного иконостаса сделала жена Олсуфьева – Софья Владимировна. Две большие иконы для церкви – Спасителя и Божией Матери – написал В.А. Комаровский. Сохранились работы художника, посвященные жизни в Подмоскovie, путешествию в Тифлис.

Комаровский-художник в юности отдал должное и светской живописи, он дважды путешествовал вместе с Ю.А. Олсуфьевым по Италии, изучал творения старинных мастеров, искусство раннего средневековья. В 1905 года Комаровский участвовал с орнаментальными работами на выставке «Нового общества художников» (НОХ) Санкт-Петербурга. Весь 1909-й и начало 1910 года Владимир Алексеевич

провел во Франции, занимаясь в парижской мастерской Жульена и Колоросси, а также под руководством замечательного русского художника Валентина Серова. Вернувшись в Санкт-Петербург, Владимир Алексеевич выставил свои работы на 7-й выставке НОХ, и они были отмечены тогда известными критиками.

Комаровский-портретист сделал несколько этюдов и два портрета отца Павла Флоренского (1924 года), которого хорошо знал лично. Отец Павел писал о Комаровском: «Это большой художник, с каждым месяцем делающий шаг вперед. Он ищет конкретного выражения в живописи самого сердца реальности и достиг успехов, которым трудно поверить, не видя его работ». В 1921 году Флоренский приглашает Комаровского вступить в литературно-художественное объединение «Маковец», в котором уже состоял цвет писательской и искусствоведческой общественности.

Личная жизнь художника неотделима от творчества. Он родился 8 октября 1883 г. в Санкт-Петербурге в семье графа Алексея Егоровича Комаровского, шталмейстера императорского двора и хранителя Московской Оружейной палаты. Рано оставшись сиротой, Владимир поступает под опеку деда по материнской линии Василия Григорьевича Безобразова, который перевез потомство

Шествие праведников в рай., Портрет Павла Флоренского

Чета Комаровских Владимир Алексеевич и Варвара Федоровна. Семейный герб рода Комаровских

своей дочери в Ялту. Комаровский окончил ялтинскую гимназию, поступил на юридический факультет Петербургского университета. Однако университетский курс не окончил и после трех лет обучения перешел в Академию Художеств, которую посещал, скорее всего, как вольнослушатель. Но и там проучился недолго. В 1912 году Владимир Алексеевич женился на Варваре Федоровне Самаринной – дочери известного государственного и религиозного деятеля и племяннице славянофила Юрия Федоровича Самарина. Летом 1914 года Комаровские уехали в Москву; в сентябре в семье родился их первенец – Алексей. Той же осенью Владимир Алексеевич похоронил обоих братьев. Юрий был военным, а Василий – поэтом, высоко ценимым своими собратьями по перу и знатоками поэзии Серебрянного века. В 2000 и 2002 году было опубликовано два посмертных сборника стихов Василия Алексеевича.

Летом 1917 года Комаровские переехали в Подмоскovie – в усадьбу Самариных Измалково. В усадьбе гостили, а иногда и подолгу жили, скрываясь от преследований ГПУ-ОГПУ, именитые люди: бывший министр А. Кривошеин, философ князь Е.Н. Трубецкой

(оба эмигрировали и поэтому остались живы).

В те годы В.А. Комаровский работал учителем рисования в сельской начальной школе, размещенной в одном из флигелей бывшей своей усадьбы, расписывал деревянные изделия для Кустарного музея в Москве, занимался хозяйством. Находил он время и для собственной творческой работы. Он писал с натуры и по памяти. На оборотах старых открыток он сделал акварелью чудесную серию интерьеров усадьбы Ракша – такими, какими они остались в его памяти.

В первый раз Комаровского арестовали осенью 1921 года по обвинению в контрреволюционной деятельности. Допросы вел начальник 16 спецотдела ВЧК Василий Ульрих, будущий председатель Военной коллегии Верховного суда СССР, один из главных «архитекторов» сталинского террора. На вопрос о политических убеждениях Комаровский отвечал: «...монархия есть самая совершенная форма государственного строя, в том случае, если она не противоречит церковно-христианской совести. Указанные взгляды я считаю теоретическими ввиду их неприложимости к жизни в настоящий период при современном состоянии и настроении русского народа».

ДОСТОЯНИЕ

Два месяца Комаровский содержался в Бутырской тюрьме, но «за недостаточностью улик» был освобожден и вернулся в Измалково, где его большая семья ютилась в одной из комнат. В 1923 году в имении располагалась детская колония. Бывших владельцев усадьбы и их «постояльцев» выселили. Комаровских, оставшихся без крова, приютил граф Ю.А. Олсуфьев, проживавший по благословению духовника семьи оптинского старца Анатолия (Потапова) в Сергиевом Посаде – «под покров Преподобного». В 1917 году между февральской и октябрьскими революциями Олсуфьев купил двухэтажный дом на Вальной улице. В те послереволюционные годы в Сергиевом Посаде осело много людей «из бывших» – представители древних дворянских родов. Вблизи Лавры, кроме самих Олсуфьевых, Мансуровых и Комаровских, жили Шереметевы, Раевские, Истомины, Верховцевы; по другую сторону железной дороги поселились Нарышкины, Арсеньевы, Трубецкие, Лопухины, Иловайские; съехалось сюда и духовенство: Шики, Флоренские и многие другие.

По приезду в Сергиев Посад Комаровский включился в работу Комиссии по охране памятников искусства и старины Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (затем – Сергиевском историко-художественном музее). Он делал копии старинных миниатюр, тканей, вышивок, для архитектурного отдела музея писал акварелью виды Лавры. Кроме того, он выполнил несколько икон по заказу знакомых, много рисовал, сделал ряд портретов маслом.

С домом на Вальной улице в пору пребывания там Комаровских связана одна из самых сокровенных тайн церковной истории нашего времени. Здесь с весны 1920-го по март 1928 года хранилась изъятая Патриархом Тихоном, во избежание осквернения или пропажи, глава Преподобного Сергия Радонежского. Отец Павел Флоренский и граф Олсуфьев, тщательно подготовившись, незаметно, ночью подменили ее, положив взамен голову одного из князей Трубецких, извлеченную из захоронений XVII века.

В мае 1925 года В.А. Комаровский был вновь арестован - в селе Карабаново Владимирской

губернии. В защиту художника не побоялись выступить известные люди: архитектор Щусев, художники Остроухов, Фаворский, Нерадовский, скульптор Андреев. Супруга Льва Троцкого, заведующая музейного отдела Главнауки при Наркомпросе, просила за Комаровского, называя его «выдающимся художником», «исключительным знатоком в области древне-византийского и русского искусства». И около 50 крестьян деревень Переделки, Измалково и Глазынино также просят освободить теперь уже бывшего учителя рисования, доказывая, что «никаких противозаконных действий за ним не замечалось». Но сам обвиняемый отрезал себе все пути к отступлению, говоря на следствии, что, по его мнению, «монархия есть та форма государственного устройства, которая одна только может соответствовать нравственному идеалу». По обвинению в «принадлежности к монархической группировке бывшей аристократии» Особым совещанием при Коллегии ОГПУ от 19 июня 1925 года художник был осужден на 3 года ссылки и отправлен этапом в город Ишим Тюменской области. В ссылке он зарабатывал деньги тем, что писал портреты обывателей, делал вывески, красил крыши. Это было время расцвета НЭПа, и художник-оформитель пользовался спросом.

В.А. Комаровский даже посылал домой небольшие посылки с продуктами и немного денег. Там же Владимир Алексеевич написал ряд картин «в иконописном стиле» и несколько больших портретов; в их числе был портрет Ю.А. Олсуфьева «на красном фоне», выполненный по памяти.

По возвращении в самый разгар гонений на Русскую Православную Церковь в конце 1928 года Комаровский неожиданно получает заказ на роспись московского храма Софии Премудрости Божьей, на Софийской набережной. Художник работал над росписями целыми днями, а иногда и ночами. Отдыхал он тут же, в небольшой ризнице храма. В конце 1929 года настоятель храма о. Александр был арестован и сослан. Церковь закрыли. В церковном комплексе расположились различные учреждения, в числе которых был клуб «Безбожник». В домашнем архиве

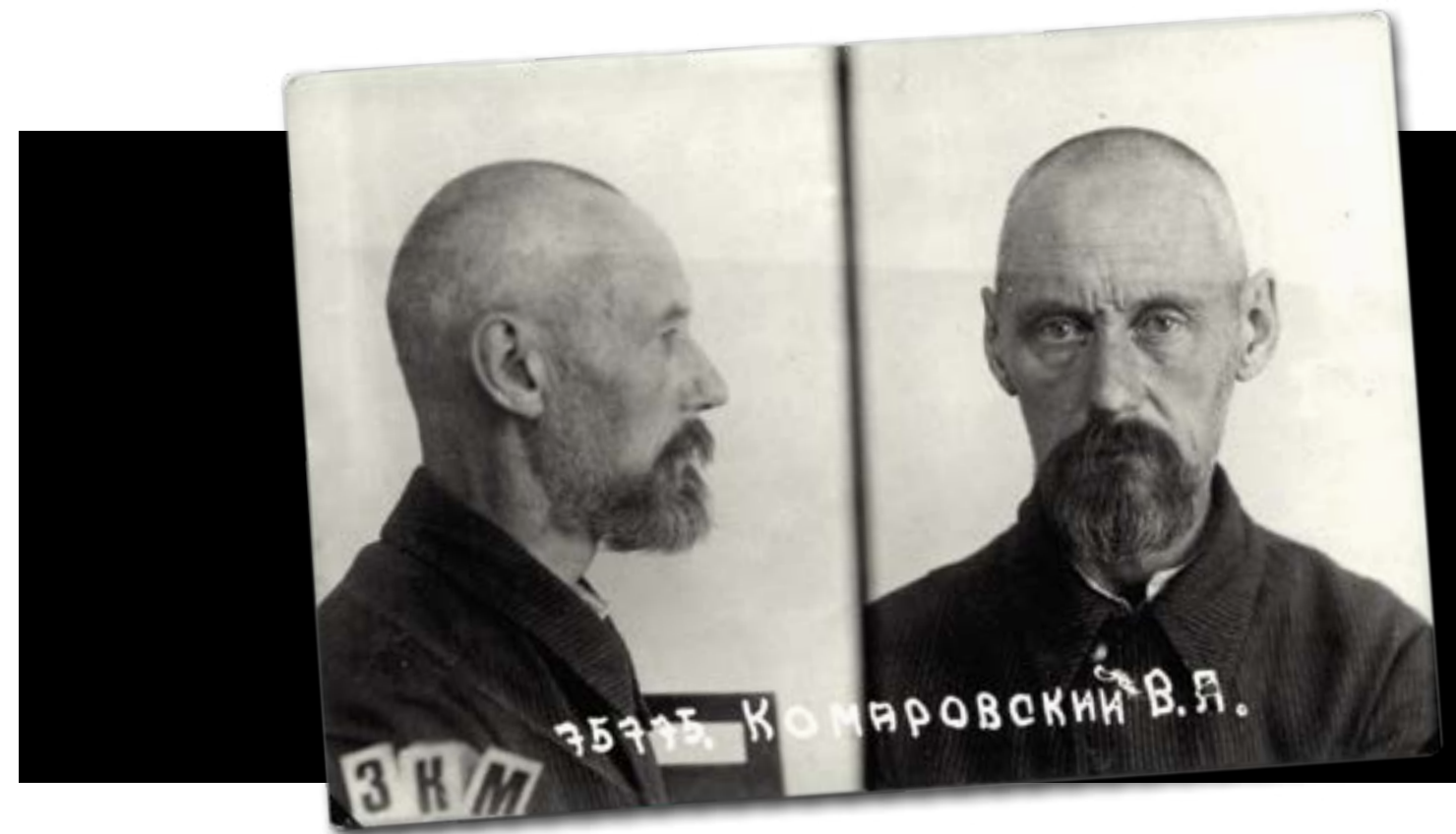

фото: предоставлены автором

Комаровских сохранилось несколько акварельных эскизов и фотографии росписей. Живопись храма, покрытая слоями побелки, долгие годы считались полностью утраченной. Но уже в наше время в 2000 году реставраторам удалось расчистить росписи свода и несколько фрагментов на стенах. И открылась поистине чудесная картина – духовный сад в красках и узорах. В экспертной оценке, сделанной квалифицированными специалистами по просьбе настоятеля храма протоиерея Владимира Волгина, говорится: «Сохранившиеся фрагменты росписи храма должны рассматриваться как уникальный памятник русского церковного искусства XX века и как реликвия Церкви, достойная особого поклонения». В начале 1931 года Комаровские переехали в дачный поселок на станции Жаворонки Белорусско-Брестской железной дороги, где они поселились в одном доме с семьей Оболенских. Здесь Владимир Алексеевич жил до 1937 года. Он работал в издательствах, выполнял по эскизам Лансере роспись плафона ресторана на Казанском вокзале, сделал панораму Москвы для Геологического музея, серию декоративных панно для детского санатория «Ярополец», картины «Сказки Пушкина» для павильона в Измайловском парке. В домашнем архиве Комаровских сохранились очаровательные эскизы декоративного плафона для

аптеки на Пушкинской площади (этот дом снесен), эскизы росписи для актового зала Московского Университета на Моховой.

27 августа 1937 года на даче в Жаворонках Комаровского арестовали уже в пятый раз. Бедная жена, скованная болезнью, смотрела, как уводили мужа. Она не могла даже поднять руки, чтобы проститься с ним. На ее попечении остались четверо детей. В.А. Комаровский находился под следствием в Таганской тюрьме. Он проходил по одному из многочисленных дел «ИПЦ» («Истинно Православная Церковь»), по которым были арестованы по всей стране сотни людей, в том числе известнейшие представители Церкви. На допросах Владимира Алексеевича спрашивали о его знакомых, имена которых, скорее всего переписанные из его же записных книжек, изъяты при обыске, прилагались. Это был цвет русского искусства, виднейшие художники тех лет. Владимир Комаровский отрицал возводимую на него клевету. Тем не менее, по обвинению в причастности к контрреволюционной нелегальной монархической организации «церковников», он и еще два человека, проходившие с ним по одному делу, – священник Владимир Амбарцумов (ныне священномученик) и С.М. Ильин - были приговорены к высшей мере наказания. Владимир Алексеевич Комаровский был расстрелян на Бутовском полигоне 5 ноября 1937 года.

ИНТЕРВЬЮ

Наш журнал продолжает серию интервью с представителями важнейших дворянских родов России – потомками тех, кто создавал и сохранял культурное наследие нашей страны. Потомок Рюрика по прямой мужской линии, князь Дмитрий Михайлович Шаховской родился в Париже в 1934 году. Получил образование в Сорбонне. Доктор историко-филологических наук. Профессор истории Русской Церкви и русской философии Свято-Сергиевского богословского института в Париже. Профессор университета Верхней Бретани (г. Ренн). Председатель Родословной Комиссии и Вице-председатель Союза Русских Дворян. Автор-составитель многотомного издания «Русское общество и дворянство».

Князь
Дмитрий Михайлович Шаховской
СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ

ИНТЕРВЬЮ

● **Дмитрий Михайлович, вы – известный исследователь русской генеалогии. Можно ли сказать, что этот интерес возник из желания лучше узнать собственную генеалогия?**

- Знать свои корни – это интересно и важно. Важно для самого человека, но важно и по отношению к следующему поколению. Потому что интерес к прошлому – это подход к настоящему, осознание настоящего. А когда у человека есть потомство, это, конечно, размышления о будущем и о следующем поколении. Нельзя говорить о людях «с генеалогией» или «без генеалогии». Некоторые люди имеют возможность ее знать, но каждый имеет возможность ее узнать – до определенного предела, конечно, потому что все это связано с источниками. Теперь появились и другие возможности исследовать свои корни – например, посредством анализа ДНК. Исследование ДНК указывает на этническое происхождение. И я думаю, что тут ДНК может развеять целый ряд легенд. Генеалогия же открывает очень широкое поле не только для узнавания своей линии, но и того, как эта линия вписана в историю страны. Мне кажется, что это имеет большое значение.

Когда вы впервые почувствовали интерес к своей родословной?

- Я бы сказал, что первое ощущение своей генеалогии необязательно идет из детства. Это зависит не столько от того, что вам говорится в семье, как вас воспитывают, сколько от того, как вас воспринимает окружение. И когда я начинаю себя вспоминать, я себя вижу именно в русской парижской среде, где каждый учитывает ваше происхождение. Где важно, что вы представляете в его окружении, а не в вашем собственном. Иначе говоря, вам очень быстро напоминают о вашем происхождении. Когда я родился, мой отец состоял в кружке офицеров лейб-гвардии Преображенского полка, и один офицер подарил мне герб Шаховских. Я узнал об этом позже, конечно. Это был очень трогательный, очень милый подарок. И когда этот подарок попал мне в руки, я начал о нем размышлять, и с этого момента все стало представляться чуть-чуть иначе.

Святой благоверный князь Федор Ростиславович Черный с сыновьями. Икона. XV век

В вашей семье было принято изучать историю князей Шаховских?

- Мой отец интересовался, в основном, историей, но историей нашего рода он интересовался сравнительно мало. Больше интересовался мой дядя, Владимир Иванович, который также был родным дядей моей жены. Он старался привести в порядок родословную Шаховских. Будучи студентом, я ему помогал. Это заставило нас вернуться очень далеко, к самым истокам. Мы обратили внимание на предка, о котором сравнительно мало говорилось в семье, – это святой князь Смоленский и Ярославский Федор Ростиславович Черный, от которого происходят сейчас все ярославские Рюриковичи.

На гербе Шаховских размещены гербы Ярославля, Смоленска, Киева?

- Да. Это вызывает какое-то чувство ответственности, и порой это очень непросто. На меня сильно повлиял, конечно, не только дядя, но и мой отец, он тоже интересовался историей. Я сизмальства интересовался больше историей, чем литературой, и вышло так, что я еще не получил среднее образование, как меня пригласили в русскую четверговую школу Антонины Михайловны Осоргиной преподавать русскую историю. Ученики были чуть старше меня. Моя жизнь сложилась так, что я был в Сорбонне, там получил образование,

там выдержал конкурс на преподавателя, потом писал докторскую диссертацию. И почти сразу после того, как я выдержал этот конкурс, то есть год спустя, я начал преподавать в университете. И я столкнулся уже совершенно с другой, французской, средой, которая интересовалась Россией и была настроена совершенно иначе. Я, по существу, интересовался интеллигенцией, но все-таки придерживался консервативных взглядов, тогда как они в это время увлекались Советским Союзом. Можно сказать, что они были или коммунистами, или даже почти большевиками. И в данном случае надо было им представлять русскую историю не в кривом зеркале.

Любопытно, как вы преподавали историю сословий России. В советских школах учили тому, что дворяне - правящий класс до революции – были жесточайшими эксплуататорами крестьянства. Действительно ли это были такие угнетатели, крепостники?

- Надо все-таки начинать более-менее с азов. Возьмем общество, как оно себе представляется в самый тяжелый момент, это, скажем, конец XVI – начало XVII веков. В этот момент дворянство целиком служит государству, неся очень тяжелую службу. Потому что все войны, в основном ложатся на спины именно служилого сословия. В более-менее привилегированном положении находится крестьянство: оно работает на землях этого дворянства, которые либо принадлежат дворянству, – это вотчины, либо не принадлежат, а только они их имеют пожизненно, – это поместья. И они могут переходить из одного в другое, имеют право переходить в Юрьев день к любому помещику. И происходит то, что называется прикреплением крестьян к земле. Что это такое? Это просто фискальная мера, чтобы проще было рассчитывать на определенные силы в сложный момент. И это постепенно превращается, если вы хотите, в более тяжелую службу. Но не такую уж тяжелую, как это представляют. Потому что в конце XVII века некоторые дворяне просят, чтобы их записали в крестьянскую среду. Что это означает? Что просто они не выносят службы. И что в принципе быть вольным крестьянином, однодворцем, им гораздо проще. Они выходят из сословия. Войны конца XVII – начала XVIII века требуют огромных усилий, и тогда положение крестьянства становится тяжелее. Но положение дворян нелегче. Если дворянин уходит со службы, у него отнимается все. В конечном итоге дворянство в первой половине XVIII века все-таки имеет все большее значение, и Петр III освобождает дворянство от службы. Что происходит? Некоторые дворяне действительно могут не служить. Но большинство не может не служить, потому что тогда не на что будет жить.

Герб рода князей Шаховских внесен в Часть 2 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи

Усадьба Шаховских Васькино,
в которой жил декабрист Шаховской
Федор Петрович

Да, это совершенно непривычный взгляд на дворянскую ситуацию.

- И не забудьте, что, начиная с Петра Великого, дворянская среда была не закрытой, а открытой средой. Конечно, нужна какая-то база, но в принципе каждый гражданин мог стать дворянином. Если он продвигается в социуме, хочет он или не хочет, он все равно становится дворянином. Вы достигаете определенной должности, и вы – дворянин. Начиная с Петра Великого, это было с первого офицерского чина. И если вы берете статистику, которая велась в России не так уж плохо, вам показывают постоянный рост именно дворянского сословия. Этой системы в Европе не было нигде. Если вы читаете внимательно русскую литературу XIX века, конечно, крепостничество многими обличено. Но вам не говорят, какая часть крестьянства жила благополучно и счастливо при этом же крепостничестве. Возьмите, скажем, «Семейную хронику» или «Детские годы Багрова-внука» Аксакова, у вас получится совсем иная картина. И между этими обеими картинами, к примеру, между «Записками охотника» и «Семейной хроникой» есть целый ряд реалий, которые от нас ускользают.

А в чем специфика русского дворянского сознания? Русское дворянство, будучи, по сути, европейским, по-видимому, чем-то от него отличается?

- Есть документ, который позволяет понять мироощущение русского человека по отношению к Европе. Это письма Фонвизина из Франции графу Панину. Он пишет о том, что его поражает. И это – отношение к религии, какое-то отсутствие духовности. Я не буду подробно комментировать эти письма, проще всего их прочитать. Все написано очень простым языком. Эта книга позволяет понять психологию высшего слоя русского дворянства по отношению к французскому обществу.

А дворянство и деньги как-то были соотношены? Скажем, можно ли было купить дворянство?

- В принципе, нет. Но если купец строил, например, школы, он за свои труды получал орден, а орден ему давал дворянство. По закону о дворянстве Екатерины II, дворянство было разбито на шесть категорий.

Первая категория – это те, кто получает дворянство по желанию монарха. Вторая категория – это те, которые получают за военные заслуги: дослужились до определенного чина и становятся дворянами. Потом ценз повышается: сначала они получают личное дворянство, а потом – потомственное, в зависимости от чина. Сначала дворянство давал чин офицера, потом, если не ошибаюсь, чин капитана, потом, в конечном итоге, чин полковника. Вот эти главные три этапа. Одно время, кажется, был еще чин майора. Был такой наплыв, что планку приходилось повышать. Но личное дворянство всегда оставалось за человеком, как только он получал офицерский чин. Третья категория – это гражданская служба, то есть, чиновничество, включая университеты. Не забудьте, что в начале XIX века, когда Белинский записался в университет, этот факт давал ему дворянство.

А существовал ли какой-то существенный разрыв между титулованным дворянством и нетитулованным?

- Это, в принципе, одна среда. Но психологически есть, конечно, какая-то разница. Среди титулованных были те, которые получали титулы, и те, которые имели свой природный титул. Например, у Рюриковичей разные фамилии, но они все восходят по своей генеалогии к человеку, который имел титул князя. В истории это называется династией. Это те,

которые принадлежали к династическим родам. И их, в принципе, не так уж много. Есть Рюриковичи, есть Гедиминовичи, которые появляются гораздо позже: это конец XIII века, в основном XIV век. И также некоторые татарские владетельные князья или князья другого восточного происхождения.

Что происходит после революции? Люди с титулами, привыкшие к роскошному образу жизни, вдруг оказываются в тяжелейших обстоятельствах, в чужой среде. Что, на ваш взгляд, позволило выжить и сохранить себя, свое достоинство?

- Можно по-разному ответить на этот вопрос. Можно сказать, что те, кто очутились здесь, считали, что они здесь временно. И верили в возрождение России. Это их держало вместе, спланивало и воспитывало. Были и такие, которые потеряли всякую надежду. Но у них оставалось чувство своей среды, редко кто совершенно не общался со своей средой. Бедность объединяла всех. Есть легенда, что эмигранты выехали с какими-то богатствами. Нет, большинство очутилось в полной нищете. Вы никогда не спрашивали у человека, какая у него работа или чем он занимается. Это было даже неприлично. О некоторых

Княгиня Е. Ф. Шаховская-Глебова-Стрешнева,
последняя владелица усадьбы
Покровское-Стрешнево

ИНТЕРВЬЮ

было известно, чем они занимаются. Человека воспринимали в той ауре, которая соответствовала его положению в начале века. Но следует все-таки учитывать, что это было время, когда жизнь русской эмиграции была более сплоченной. Были общие культурные мероприятия, которые объединяли всех, все слои русской эмиграции за рубежом, то есть и интеллигенцию, и военных. Ставились спектакли. Я помню, как на последний, может быть, праздник русской культуры ставили отрывки из известной оперы Глинки «Жизнь за царя». Когда эмигрантский хор пел «Славься, славься, наш русский царь!», это воспринималось почти как гимн, все вставали. Я этого больше не видел. И до сих пор, когда я слышу именно вот «Славься, славься!», меня пружинит. Когда слышишь «Боже, царя храни!» или «Коль славен наш», невольно что-то чувствуешь в спине и как-то тянет встать по стойке смирно.

Я пытаюсь понять, что заставляло людей, прежде далеких от тяжелого физического труда, выдержать эту новую действительность? Какой-то же стержень должен быть?

– Тут ответ очень простой: он жить хочет или не хочет? Если он хочет жить, он работает.

И чувство стыда не возникало, оттого что приходится заниматься недостойной работой?

- Это было неважно. Важно, что вы – такой-то человек, из такого-то рода, с такими-то принципами. Эти люди не считали, что работа – ниже их достоинства. Главным было то, что вечером после завода вы идете домой, встречаете ваших знакомых, и там все знают, кто вы. Когда я начал работать в университете, там был один француз, который немного знал русских. Он говорил: «Я все-таки вас не понимаю. Вы ничего не требуете, вы исполняете свою работу и, в общем, вы не жалуетесь на вашу судьбу». Тогда как он был скорее левых взглядов, бастовал, требовал, был недовольным, считал себя ущемленным и так далее. И вот это ему было совершенно непонятно. И что, если человек имеет хлеб насущный, то в принципе, у него есть самое главное.

Перед бедностью и общим несчастьем все оказались равны.

- Равенство есть, пока есть определенное образование. Но когда этого образования недостаточно, тут возникают трудности. Потому что качество образования создает определенное неравенство. Но в принципе, если к этому подойти философски, равенство вообще не является критерием. Критерием является как раз неравенство. Потому что, хотим мы или не хотим, мы, может быть, равны перед Богом, но в этом мире один всегда выше, другой ниже, третий сильнее, четвертый слабее. Один более умный, другой менее умный, и так далее. Где оно, равенство? Многие прошли через военное воспитание, где равенства нет в принципе. Через молодежные организации оно каким-то образом коснулось и нашего поколения.

Князь Яков Петрович
Шаховской,
обер-прокурор Святейшего
Синода (1741-53)

Князь Алексей Иванович Шаховской
участник Кавказских походов и русско-турецкой
войны 1877—1878 годов

Князь Иван Леонтьевич Шаховской, генерал
от инфантерии, генерал-адъютант, герой
войны 1812 года

Князь Александр Александрович Шаховской,
драматург и театральный
деятель первой половины XIX века

Вы наверняка видите более молодые поколения, детей русских эмигрантов первой волны. Что остается в них от старого дворянства, а что совершенно новое?

- Все зависит от воспитания, от знания языка, от среды. Как-то все разбросаны сейчас. У многих потеря надежды, конечно. Есть люди, которые помнят Россию до 1917 года, и есть те, которые ее не помнят. Это вот настоящая грань. Потому что если человек родился, скажем, в 1917 или 1920 году, он формально принадлежит, скажем, к первому поколению эмигрантов, но по сути дела нет, потому что он воспитывался не в России и не помнит Россию.

Я знаю, что вы участвуете в международном дворянском движении, в организации под названием CILANE.

- Это официальное объединение дворян Европы. Я – один из членов-учредителей этого движения. Это было более пятидесяти лет назад. Тогда были дворянские союзы, и именно я записал Союз русских дворян в эту организацию, потому что я был лично приглашен. Союз русских дворян – самый старый союз в Европе, он – с 1925 года. Еще никаких не было союзов. Первой целью было ведение родословных книг. И, с другой стороны, фиксирование генеалогической памяти, что тогда казалось необходимым. Союз дворян продолжает свое существование именно потому, что он принимает людей, проверяет их происхождение, устраивает конференции, встречи, где говорится о тех темах, которые могут их интересовать. Между прочим, мы приглашаем на такие конференции не только дворян. Но когда мы работаем, это исключительно члены Союза дворян. И я как председатель родословной комиссии замечаю, что у нас есть две категории лиц. Есть люди уже очень пожилые, которые хотят зафиксировать свой статус, свою принадлежность к определенному кругу. Другие, видя, что следующее поколение уже не говорит по-русски, хотят сохранить какую-то связь. Здесь нет высокомерия, а только поиск своей идентичности и сохранение своей идентичности. Сохранение памяти.

Беседовал Андрей Новиков-Ланской

ИНТЕРВЬЮ

Россия усадебная

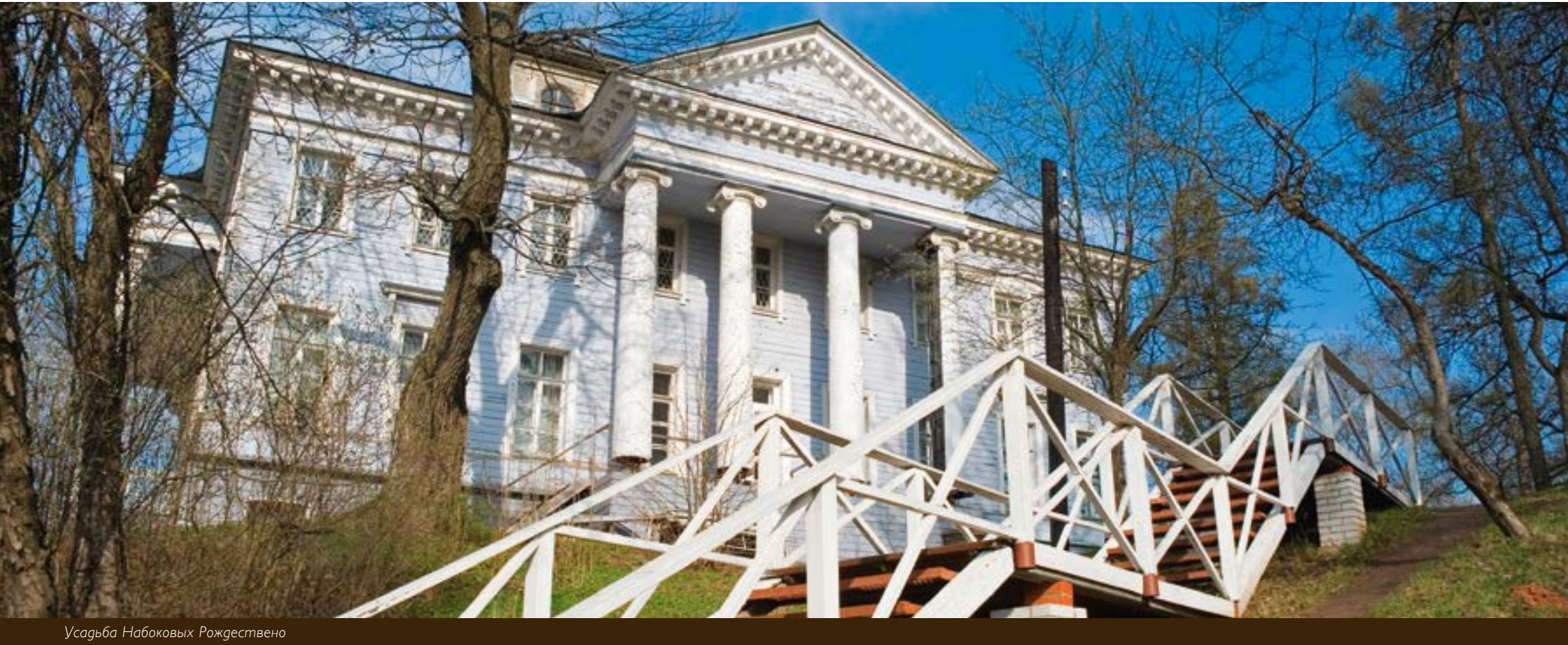
РОССИЯ

ВОЗРОЖДЕННАЯ

На вопросы журнала
«Охраняется государством» ответил
руководитель
Ассоциации владельцев исторических усадеб
Виссарион Игоревич
Алявдин

Трагические события истории XX века нанесли невосполнимый урон культурному и архитектурному наследию России. Оно разрушается и исчезает. То, что было основой для сохранения и приумножения ценностей национальной идентичности, сейчас находится под угрозой. В наших исторических усадьбах зачинались истории многих поколений семей, династий, заложивших благосостояние страны, культурные традиции, знакомые всему миру. К счастью, сейчас все больше активных, обеспеченных и равнодушных людей связывает своё будущее с Россией и задумывается об их возрождении, чтобы спустя время многие из усадеб, возродившись, стали бы новыми родовыми гнёздами, музеями и достопримечательностями своих регионов. Недавно эти люди объединились в Ассоциацию владельцев исторических усадеб.

Усадьба Набоковых Рождествено

● **Недавно было зарегистрирована Ассоциация владельцев исторических усадеб. Расскажите, как возникла эта идея?**

- Идея возникла 6-7 лет назад у нашего фонда Возрождение русской усадьбы. Ещё тогда мы поняли, что у государства нет и не будет средств для сохранения всех памятников, а значит, усадьбам нужны новые хозяева. Класс частных собственников – это новая сила в борьбе за сохранение культурного наследия. Не секрет, что с городскими объектами ситуация обстоит чуть лучше, а вот усадьбы, находящиеся в сельской местности, особенно нуждаются в помощи. Все это время мы старались призывать владельцев усадеб реализовывать различные совместные проекты. Так возникла необходимость объединиться.

Какие задачи ставят перед собой участники ассоциации?

- В первую очередь, обмен опытом в таком

многоплановом деле, как восстановление усадеб. Мы реализуем совместные проекты, делимся идеями, разрабатываем различные варианты деятельности, возможной в восстановленных усадьбах. Это и праздники, и фестивали, и гостиницы – все, что можно отнести к сфере туризма. Также мы работаем над законодательскими инициативами, направленными на улучшение как состояния исторических усадеб, так и поддержку государством их собственников. Важное направление нашей деятельности – это консультации собственников. При восстановлении памятников часто возникают вопросы, и мы готовы делиться опытом на благо общего дела – возрождения исторической России.

Поскольку это новая для России инициатива, о ней известно немного. Например, кто входит в это объединение? Какой он, современный владелец исторической усадьбы в России?

- Сейчас в нашей ассоциации состоит более 25 собственников из 10 регионов России. Не только из

столичных регионов – это и Ярославская, и Липецкая, и Псковская, но и многих других областей. Если говорить о совокупном портрете, то это, прежде всего, любознательные и неравнодушные люди, занятые бизнесом. Особенной чертой этих людей является желание содействовать возрождению культуры, наведению порядка как вокруг себя, так и в стране в целом. Поскольку они не только обеспеченные и энергичные, но и образованные, культурные граждане своей страны, понимающие, как эти усадьбы выглядели раньше, как вообще должно выглядеть наше наследие. Они не могли спокойно смотреть на руины, и в какой-то момент каждый решил действовать. Большинство работает в крупных городах, но при этом их объединяет любовь к русской провинции. Важная черта - собственники усадеб люди семейные. У некоторых из них большие семьи по нынешним временам. Поэтому они рассматривают инвестиции в усадьбы как инвестиции в будущее. Будущее для них – это Россия, а сами

Фото: koptu

усадьбы – места, где будут расти их дети и внуки. К сожалению, тех, кто вернулся в своё родовое гнездо, - меньшинство. В советское время для подобных семей стояла задача выжить, не то, чтобы вернуть усадьбу своего прадеда. Мы надеемся, что сейчас таких обращений к своим корням станет больше. И для них мощнейшая мотивация – это атмосфера дома, это возможность восстановления того, что принадлежало их династиям.

- Какая доля исторических усадеб находится сейчас в частном владении или долгосрочной аренде?

- В некоторых регионах Центральной России на попечении государства находятся 130 – 150 усадеб, а всего по стране - это тысячи объектов. Многие поместья не имеют статуса памятника. По нашим оценкам сейчас есть несколько десятков частных владельцев усадеб в провинции, и сотни владельцев городских домов. Можно сказать, что в частном владении или долгосрочной аренде находятся несколько процентов от общего числа объектов.

Какие, на ваш взгляд, основные мотивы владельцев исторических усадеб? Это скорее проекты долгосрочных инвестиций или более личные причины?

- По большей части это желание возрождения дорогих им мест, стремление к ренессансу нашей необъятной родины. Не менее важный фактор - личный интерес. Восстановление исторических усадеб - крайне нестандартная и сложная задача. Для человека со средствами она представляет некий вызов, возможность решить новую проблему. Финансовая выгода здесь если и присутствует, то не является первоочередной причиной подобных инвестиций.

Выгодно ли вкладываться в исторические памятники? Каковы сроки окупаемости таких инвестиций?

- К сожалению, уровень затрат на реставрацию и восстановление исторической усадьбы абсолютно не соответствует тому доходу, который можно с неё

Главный дом усадьбы Спасское-Лутовиново. Мценский район. Орловская область

получить в будущем. Это неприбыльное дело. Кто хочет извлекать прибыли, вкладывают средства в нефть и газ. Так что на первом месте стоят личные причины. Конечно, владельцы исторических усадеб – это люди деловые, привыкшие добиваться успеха, поэтому они продумывают варианты, как довести своё приобретение до состояния, когда усадьба хотя бы сможет сама себя содержать. Полного возвращения вложений в ближайшее время никто не ждёт, но сделать так, чтобы усадьба немного зарабатывала на туризме, например, как гостиница или экскурсионный объект, вполне возможно. Также для многих усадьба представляет ценность как место для жизни, а не коммерческий проект.

Сколько стоит восстановить такой объект и с какими трудностями можно столкнуться на этом пути?

- Точную стоимость назвать невозможно. Дело в том, что многие усадьбы, когда их покупали, находились в абсолютно аварийном состоянии. Бывает так, что там нет ни крыш, ни перекрытий, одни руины. Недобросовестные чиновники из местной администрации часто пытались продавать подобные усадьбы за совершенно необоснованные суммы, несмотря на то, что это для собственника убыточная покупка. Важно понимать, что в случае с исторической

усадьбой есть несколько разных видов затрат на восстановление: парк, главный дом, усадебный ансамбль. Восстановление дома стоит не менее нескольких десятков миллионов рублей. Если говорить об усадьбе в целом, то сумма переваливает за сотни миллионов рублей. Важный фактор - скорость работ: если работать медленнее, то это будет дешевле. Усадебный парк можно быстро и дорого восстановить за год-два, а можно растянуть этот процесс и сэкономить. Часто научная реставрация главного дома невозможна, потому что там остался один фундамент, и естественно, речь не идёт об аутентичном восстановлении исторических интерьеров. В таком случае начинается новое строительство, реконструкция памятника, что гораздо менее затратно. До революции усадьбы возводились десятилетиями, дети и внуки владельцев пристраивали корпуса и флигели, что-то сносили и перестраивали. Если мы воспользуемся этим принципом в восстановлении исторических усадеб, то суммы, потраченные на работы, можно будет существенно сократить.

Существуют ли аналогичные объединения за рубежом, на каких принципах они устроены? Какой опыт мы можем у них перенять?

- За рубежом, прежде всего, в старых европейских странах, есть большое количество ассоциаций,

подобных нашей. Например, ассоциации владельцев замков, ассоциация владельцев старинных домов Великобритании, ассоциация исторических садов и парков Франции. Основной смысл подобных сообществ сводится к обмену опытом, взаимной поддержке и консультации. Немаловажное направление деятельности – легальное лоббирование своих интересов, чтобы государство и местные власти уважали интересы и считались с частными собственниками, оказывали им необходимую поддержку. Голос этой важной группы людей, сохраняющих национальное наследие, должен быть услышан. Например, французская ассоциация исторических садов, которую возглавляет герцогиня де Латур д'Овернь, стала инициатором замечательного фестиваля Рандеву в саду, который проводится в начале июня по всей Франции. В открытых парках и садах разворачиваются различные праздничные действия. Сейчас фестиваль поддерживает правительство, он получил большое распространение и известность, а изначально родился как начинание этой ассоциации. Мы рассматриваем подобные успешные проекты как пример для нас. Объединив большое число владельцев, мы сможем продвигать такие же значимые инициативы.

Как складываются отношения и сотрудничество у владельцев исторических усадеб с общественными организациями, органами государственной власти?

- С каждым органом и регионом по-разному. Мы существуем не так давно, поэтому наш опыт общения с подобными инстанциями не очень велик. Но в целом можно сказать, что мы всюду встречаем заинтересованность. В некоторых регионах представители власти сами понимают важность подобных инициатив, мы часто слышим: «У нас прекрасные усадьбы, но это никого не интересует! Мы были бы рады, если бы люди к нам обратились. У нас есть возможности помочь». Конечно, восстановление исторических усадеб – очень сложная и ответственная миссия, поэтому мы считаем, что для государства и региональных властей взаимодействие

с нами будет очень полезным. Да, круг обеспеченных и равнодушных людей узок, но они есть. И во многом задача властей состоит в том, чтобы находить их, объяснять им, что подобные проекты возможны, что власти будут помогать, а не мешать им. Ведь именно благодаря таким людям мы сможем сохранить наше региональное и общенациональное русское наследие. В некоторых регионах есть программы, способствующие подобным инициативам. В Московской области, например, это государственный проект «Рубль за метр». Он обнадеживает, хотя мы и считаем, что приватизация предпочтительнее аренды. Даже срок аренды в 49 лет имеет тенденцию быстро заканчиваться, а восстановление требует больших и долгосрочных вложений. Совершенно напрасно существуют опасения – причём у общественности, а не у власти – что усадьбы таким образом будут безвозвратно потеряны для грядущих поколений. Якобы при аренде государственный контроль гораздо больше. Это совершенно не так: погубить усадьбу может как недобросовестный собственник, так и недобросовестный арендатор. Наш опыт подтверждает, что владельцы гораздо чаще оказываются ответственными восстановителями. Человек, владеющий памятником на правах собственности, не будет его разрушать, чтобы построить что-то своё. Ему было бы проще и дешевле купить участок земли, чем тратить столько сил, нервов и денег, подвергаться уголовному преследованию и тратиться на штрафы, только чтобы разрушить памятник. Таких примеров нет. Поэтому мы считаем необходимым предлагать и реализовывать проекты, прежде всего, на основе права собственности. Наше законодательство весьма неплохое в этом смысле. Оно возлагает очень серьёзные обязанности на владельцев, даёт большие полномочия органам охраны, в том числе и общественности. Самая трагическая ситуация для памятника – это отсутствие хозяина. Ничто не сравнится с этим состоянием. Отсутствие владельца - это практически всегда гибель усадьбы. Год без владельца памятник ещё может пережить, но в случае десятилетий бесхозности, мы их безвозвратно теряем.

Уничтожение боевиками Исламского государства древней Пальмиры, взрыв талибами Бамианских статуй Будды вынесли на повестку дня вопрос о методах сохранения культурного наследия в ходе вооруженных конфликтов. Этими вопросами уже 20 лет занимается международная организация «Голубой щит». Наиболее продуктивный опыт накоплен у её комитета в, как ни странно, одной из самых миролюбивых стран мира – Австрии. Об этом редакции журнала «Охраняется государством» рассказала Лейля Штробль, магистр права, президент Австрийского общества Рерихов - Национального комитета пакта Рериха, заместитель председателя Координационного совета российских соотечественников в Австрии по правовым вопросам.

Защита наследия с оружием в руках
АВСТРИЙСКИЙ ОПЫТ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

● **Впервые проблема защиты культурного наследия в ходе боевых действий была поставлена по итогам Первой мировой войны.** Идея «Голубого щита» родилась в 1954 году – в год подписания Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. В итоге на сегодняшний момент она ратифицирована уже 108 странами. Государство, подписавшее этот документ, берёт на себя обязательство создать условия для защиты от разрушения объектов культурного наследия, охраняемых конвенцией. Такие памятники должны быть определённым образом обозначены, откуда и пошло название «голубой щит». Он представляет собой синий треугольник и синий ромб на белом фоне. Дома, имеющие такой знак, нельзя взрывать, обстреливать, размещать в них воинские подразделения. Нарушения этих норм имеют суровые последствия – их рассматривает Гаагский военный трибунал. Исключение составляет пункт о «военной необходимости». Защита «голубого щита» снимается, если военная задача не может быть решена без использования памятника. Это создает определённую лазейку для нарушения конвенции. В 1949 году директор ЮНЕСКО Бодэ просил нью-йоркский и парижский комитеты пакта Рериха передать все собранные материалы об уничтоженных в ходе Второй мировой войны памятниках. Но основе этих выкладок и была сделана конвенция. Параллельно существует еще и пакт Рериха, согласно которому боевые действия вообще не должны вестись там, где находится знак «Знамени мира». Рерихи хотели создать лигу городов Европы, защищающих памятники культуры. Международный комитет Голубого щита был основан в Париже в 1996 году. Его учредителями стали директора пяти международных неправительственных организаций, работающих в области культуры: Международный совет по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), Международный совет музеев (ИКОМ), Международный совет архивов (МСА), Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА) и Координационный

Международную ассоциацию национальных комитетов Голубого щита, так же как и её Австрийский комитет, возглавляет внук последнего австро-венгерского императора Карла I герцог Карл Габсбург-Лотринген

совет ассоциаций аудиовизуальных архивов (КСААА). Миссией Голубого щита является защита культурных ценностей от угроз различного рода, а также осуществление стратегического диалога как с лицами, принимающими решения, так и со значимыми международными организациями в целях предотвращения и оперативного реагирования в случаях природных и техногенных катастроф. Австрийский национальный комитет Голубого щита был основан как форум экспертов в сфере защиты культурного наследия в сентябре 2008 года и реорганизован в некоммерческую неправительственную организацию в мае 2009 года в Вене. В его состав входят восемь австрийских организаций: Австрийская комиссия по делам ЮНЕСКО, Австрийское общество охраны культурного наследия, Международный совет музеев Австрии, Международный совет по вопросам охраны памятников и достопримечательных мест Австрии, Австрийская ассоциация архивистов, Австрийская ассоциация библиотекарей, Австрийская ассоциация аудиовизуальных архивов и Австрийское общество Рерихов – Национальный комитет Пакта Рериха. Это так называемый Красный крест в сфере культуры. Международную ассоциацию национальных комитетов Голубого щита, так же как и её Австрийский комитет, возглавляет внук последнего австро-венгерского императора Карла I герцог Карл Габсбург-Лотринген, который отказался от дворянского титула ради возвращения на родину. Карл профессиональный юрист и близок к военным. Он активно интересовался культурным наследием. Каждые три года международная ассоциация Голубых щитов собирается на отчетные конференции, где обсуждаются проблемы и направления развития. Среди её представителей много археологов и в целом представителей академических кругов, волонтеров, которые связаны с памятникоохранительной деятельностью. Они взаимодействуют со своими национальными властями в сфере культуры. Когда происходит катастрофа международного масштаба, направляются группы специалистов на волонтерских основаниях. К

примеру, во время землетрясения на Гаити 2010 года пострадали библиотеки и государственный архив. Представители Голубого щита, особенно французского комитета, приезжали туда, проводили широкий спектр культуроспасательных работ, начиная с очистки завалов и заканчивая консервацией древних манускриптов, документов, книг. Они обладают всеми технологиями и знаниями, необходимыми для решения задач в экстремальных условиях. Если говорить о вооруженных противостояниях, то Голубой щит должен начать работать еще до того, как начнется военный конфликт. В подобных случаях неправительственные гражданские организации очень ограничены в возможностях. Карл Габсбург-Лотринген со своими военными помощниками выезжает на места ведения боевых действий, ведёт переговоры, у него есть мандат австрийской армии. Он выезжал в Египет, когда там была революция, в Ливию - именно с целью сохранения памятников. Он оценивает ситуацию, пишет отчет, передает его в ЮНЕСКО, в комитет Голубого щита в Женеве и т.п. Несколько раз он посещал места бомбардировок в Ливии, потому что там много памятников еще времен Римской империи. Прежде чем начать бомбардировки военные требовали у ЮНЕСКО списки памятников культурного достояния. ЮНЕСКО предоставляет списки с примерно 1800 наименованиями, из которых эксперты отбирают наиболее крупные и значимые объекты, отнесённые по гаагской конвенции к первостепенной защите. Эти объекты вносятся в карты и не подлежат военным атакам. В ряд регионов, таких как Ирак, Афганистан, Сирия, представителям Голубого щита очень сложно попасть. А заниматься там защитой культурного достояния во время ведения боевых действий и вовсе почти невозможно. Это равносильно тому, что, разделяя противоборствующие стороны, умереть смертью храбрых. Сейчас австрийский Голубой щит хочет подписать договор с «голубыми касками», войсками ООН, чтобы подготовить их к действию в регионах, насыщенных памятниками архитектуры. В самой австрийской армии есть целый отдел, в котором состоят офицеры-специалисты по защите культурного

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

наследия. Они могут проводить соответствующую подготовку и экспертизу. Это австрийское ноу-хау, которого нет ни в одной армии мира. Именно эти офицеры поддержали в своё время начинания Карла Габсбурга. С их участием был создан австрийский национальный комитет Голубого щита. На счету Вооружённых сил Австрии такие важные операции по спасению культурного наследия, как перемещение археологической коллекции Эфесского музея в Этнологический музей в Вене в 1976–1978 годах, извлечение из-под завалов культурных ценностей во время ликвидации последствий землетрясения в итальянском городе Калабритто в 1980 году, спасательные операции в Армении в 1988 во время Спитакского землетрясения.

В самой Австрии нет военных угроз сохранению наследия. Но у нас есть своя специфика и свои проблемы. В Австрии, так же как и в России и в других странах, есть памятники в хорошем состоянии и не очень. Наши памятники находятся не только в государственном ведении. Те, что в государственной собственности, поддерживают в удовлетворительном состоянии, а реставрацию проводят в случае необходимости. Другая часть находится в церковной собственности: у храмов, монастырей исторические церковные здания и целые угодья. Третий вид – частная собственность на памятники. Государство даёт определённые субсидии владельцам на работы по сохранению памятников. Чем выше значение и категория памятника, тем большую субсидию можно получить. Наиболее интересный вид собственности, тоже австрийское изобретение – это специальные фонды. Первая австрийская республика ликвидировала дворянскую собственность и дворянские титулы. После многих лет борьбы за свое имущество некоторым семьям, например, Эстерхази, удалось вернуться. Был создан закон о частных фондах. Согласно нему имущество не находится в руках государства, общественного фонда и частного лица – это специальная форма. Семья не имеет прав собственности в смысле права владения, акцент делается на пользование и распоряжение. На балансе этих фондов не только памятники, но

и угодья: поля, леса, воды, реки, горы, плантации. Потомки в виде фондов имеют доход от угодий и от культурной деятельности, своих дворцов, замков и иных архитектурных ансамблей. Эти деньги они инвестируют в поддержание культурных памятников в соответствующем виде. Это уникальный для Европы подход. В Германии есть частная собственность дворянства на свои угодья, замки и дворцы, а в Австрии этого нет.

В связи с относительно благополучной обстановкой памятникоохранительная деятельность в Австрии, в первую очередь, сводится не столько к работам по восстановлению первоначального вида памятника и сохранению его аутентичности, сколько к его наполнению. Важно, чтобы памятники жили,

чтобы там всегда проходили мероприятия. Если у таких домов нет собственников, они, как правило, передаются в ведение городской или сельской общины и используются по её запросам, интересам и возможностям местных жителей. Градозащитники Австрии сотрудничают со всеми государственными структурами в этой сфере.

К сожалению, несмотря на значительное русское и советское культурное наследие в Австрии, контактов с российскими памятникоохранителями у нас нет. У Российской Федерации с Австрией подписан договор об оказании взаимной помощи в случае природных и технических катастроф. В 2014 году мы собирали представителей различных посольств, в том числе российского, офицеров австрийской армии, которые

занимаются вопросами защиты культурного достояния, были офицеры из Словакии, которые занимаются схожими проблемами. На совещании мы поднимали вопрос, как оживить это соглашение. Потом в 2015 году проводили выставку по пакту Рерихов в Вене в представительстве ООН, которая получила положительные отклики в австрийском культурном сообществе. Третьим шагом является конференция – встреча экспертов «Наследие и мир» в Большом зале Австрийской академии наук в этом году. В ней будут участвовать офицеры Голубого щита, советник министра обороны Австрии, который занимается вопросами военной защиты культурного достояния. Хотелось бы видеть и российских коллег.

Как стать историком архитектурного наследия?

В современной России числится около полутора сотен тысяч объектов культурного наследия и список их постоянно увеличивается. Тонкостям исторического обследования вновь выявленных памятников посвящен мастер-класс историка, руководителя Московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Владимира Хутарева-Гарнишевского.

- Ставятся под охрану вновь выявленные памятники архитектуры, здания, обладающие признаками объектов культурного наследия. Пусть этот процесс идёт небыстро, пускай на многие исторические объекты государство обращает внимание тогда, когда их начинают сносить или когда они оказываются под угрозой исчезновения. Тысячи волонтеров, краеведов-любителей, историков, студентов архитектурных вузов, просто неравнодушных граждан сталкиваются с необходимостью полноценного историко-архивного обследования здания. Такие исследования - это отправная точка для любых работ с памятником или историческим зданием. Чтобы придать памятнику статус, чтобы имеющийся объект качественно отреставрировать, чтобы восстановить утраченный исторический облик, не говоря уже о таких тонкостях, как определение предмета охраны и границ памятника, - для всего этого необходима государственная историко-культурная экспертиза, необходимы качественные исследования. Нужно найти подлинные чертежи, не только изображения фасадов, но и поэтажные планы, разрезы, чертежи местности. Нет надобности пояснять, какое огромное значение имеют подлинные старинные фотографии и гравюры, изображающие памятник, описания. Мы сталкиваемся зачастую с вопиющим непрофессионализмом, пренебрежением историко-культурными исследованиями, без которых профессиональный реставратор не может и на шаг продвинуться в восстановлении облика здания. Неточные или скудные исходные данные порождают цепную реакцию, ошибка порождает ошибку, незнание заставляет фантазировать, додумывать. Итог печален:

вместо отреставрированного памятника получаем нечто невообразимое, не имеющее никакого отношения к культурному контексту. Когда мы начинаем работу с дореволюционным зданием, особенно находящимся в сельской местности, мы должны установить динамику изменения его точного адреса и названия. Почему это важно? Границы губерний и уездов многократно менялись, соответственно документы по ним распределены между различными архивами. К примеру, Егорьевский уезд Рязанской губернии частично входит в состав современной Рязанской области, частично в состав Московской. Соответственно поделены и архивные материалы между

МАСТЕР-КЛАСС

московскими и рязанскими хранилищами.

Для городских памятников важно установить историческое название улицы. Оно могло меняться несколько раз. В XVIII веке название могло быть одно, в XIX другое, и, наконец, её переименовывали при советской власти. Так, Нижегородская улица в конце XVII – XVIII веке называлась Таганской или Гжельской, позднее была переименована в Покровскую в честь Покровской площади (ныне Абельмановская застава), в первые годы советской власти именовалась Рязанским шоссе, а в 1920-х годах была разделена на Нижегородскую улицу и Рязанский проспект. Не зная таких тонкостей, невозможно пользоваться государственными архивами.

При работе следует учитывать, что нумерация домов также многократно «съезжала». До революции кроме номеров домов были еще и номера домовладений – участков земли, на которых стоял главный дом и несколько хозяйственных построек. Иногда – целый комплекс доходных домов. Однако со временем городских усадеб становилось все меньше, а застройка все плотнее. Крупные участки земли делились между несколькими наследниками, распродавались по частям. Номера домовладений на 1917 год были дробными. Верхняя часть дроби номера обозначала так называемый «новый номер», полученный при перерегистрации домовладений, проведенной в третьей четверти XIX века, а нижняя часть дроби – «старый номер» большого домовладения по ситуации на начало XIX века. Совершенно отдельная нумерация была в XVIII веке. Часто архивное дело одного или другого памятника может быть озаглавлено «Дом купцов Петровых на Татарской улице». Понять, Ваш это дом или нет, практически невозможно. Мы привыкли упрощать историю. К примеру, название памятника: «Усадьба Вяземских», - мы под воздействием европейских

рыцарских романов автоматически переосмысливаем, и получается, что род Вяземских владел ею минимум сотню или две сотни лет без перерыва. Такие случаи подлинных родовых имений являются скорее исключением, чем правилом. За столетие дом мог несколько раз продаваться и перепродаваться, его отдавали по наследству боковым ветвям рода и родственникам с совершенно иными фамилиями, мог закладываться. Фамилия владельцев может меняться каждые 15 лет. Классическим примером является усадьба Райсемёновское дворян Нащокиных. В течение многих десятилетий историки тиражировали из статьи в статью, из монографии в монографию ложную легенду о том, что она была подарком царя Алексея Михайловича главе Посольского приказа Афанасию Ордин-Нащокину. И только недавно выяснилось, что настоящими владельцами был род Дохтуровых, от которого усадьба перешла к Нащокиным позднее. Подобные ошибки и невнимание к историческим тонкостям заводят исследователей в тупик: материалов нет, про памятник ничего неизвестно. Поэтому грамотный историк, как заправский сыщик, обязан изучить биографию и родословную владельцев, установить их полный хронологический список. Это понадобится и при определении мемориальной ценности объекта, которой современные исследователи пренебрегают. Третья проблема – авторство памятника. Попробуйте сравнить список памятников архитектуры, в чьих паспортах указан архитектор Казаков или Ухтомский с числом дошедших до нас чертежей этих зодчих. Вы увидите интересную картину – многие выдающиеся архитектурные шедевры до сих пор не атрибутированы или авторство установлено не точно. Строительные чертежи не всегда подписаны архитекторами, а в ранние периоды истории они вообще являются редкостью. Что

МАСТЕР-КЛАСС

делать, если в архивных документах не указан автор проекта? Определив примерную дату постройки памятника, постарайтесь установить, какие еще дома принадлежали его владельцам, их внешний вид и какими архитекторами они были построены. У крупных аристократических или купеческих семей были семейные архитекторы.

Самое главное в работе историка культурного наследия – найти исторические чертежи. В дореволюционных и советских журналах по архитектуре и строительству часто публиковались чертежи наиболее интересных проектов вместе с пояснениями относительно их авторства. Однако подавляющее их число сосредоточено в архивах. Практически в каждом регионе страны есть архивы научно-технической документации, в которых собраны дореволюционные и советские материалы по всем местным постройкам. При удачном стечении обстоятельств в таком деле можно обнаружить всё: фасады, разрезы, поэтажные планы, чертежи домовладения, купчие на здания, записки архитекторов, текстовые пояснения по каждому строению – когда, из каких материалов, какими технологиями построен, для каких целей использовался объект.

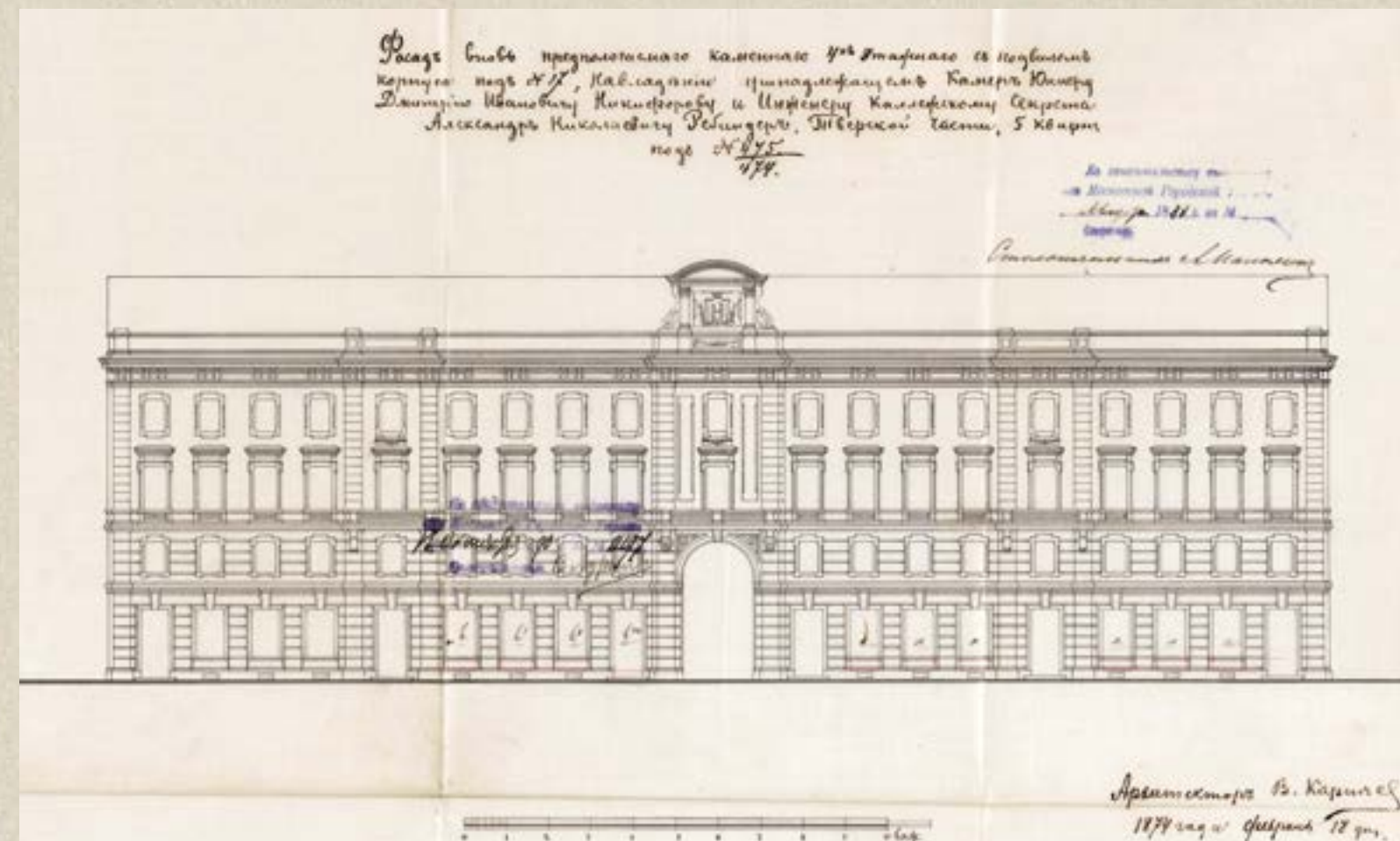
Если технических документов не обнаружено или материалы архивного дела не предоставляют полной картины, стоит обратиться к документам исторических архивов. Проявите фантазию, подумайте, что могло с этим домом произойти. Во-первых, каждый недвижимый объект страховался, а значит, и оценивался для расчета суммы страховки. В свою очередь для оценки необходимы чертежи. И вот Вы уже изучаете фонды дореволюционных страховых обществ и компаний. За каждое домовладение хозяева

платили налог на недвижимость в городскую казну. И так вы оказываетесь уже в фондах городской думы и управы, где находятся подробные материалы по каждому зданию. На строительство каждого здания необходимо получить разрешение, не так ли? Самострой никогда не был в чести. Тогда Вам – прямая дорога к документам строительного отделения губернского правления. К разрешениям на строительство почти всегда прикладывались подробные проекты.

В советские времена был издан каталог «История архитектуры и градостроительства Москвы, Санкт-Петербурга и их пригородов», который является, по сути, межархивным указателем документов. Это большая библиографическая редкость. Чертежи военных зданий, казарм, крепостей, госпиталей логично искать в Российском государственном военно-историческом архиве, а материалы о возведении зданий государственных ведомств – в историческом архиве в Санкт-Петербурге. Информацию о постройке церквей можно обнаружить в документах епархий. Нельзя забывать и о современных коммунальных службах, которые ведают прокладкой канализации и горячего водоснабжения в домах. Вот еще одно направление поиска. Так, в архиве Мосводоканала имеются сотни, если не тысячи дореволюционных чертежей домов. Попробуйте обратиться в Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени Щусева, где имеется фототека изображений различных памятников России и бывшего СССР. Там хранятся как отпечатанные фотографии, так и негативы на пленочных и стеклянных носителях. К примеру, при восстановлении росписей храма Христа Спасителя в Москве в музее было найдено несколько коробок с дореволюционными фотостеклами. Уникальные

материалы могут быть в фондах семей бывших владельцев домов в государственных архивах или в личных архивах их потомков. Так, исторический облик усадьбы Пушино-на-Наре, графические изображения которой в архивах отсутствовали, оказался лишь на нескольких советских фотографиях, их удалось найти в личном архиве родственников её последних хозяев. Такие уникальные материалы являются неоценимым подарком для реставраторов. Изучая памятник, Вы должны его почувствовать, прожить его историю, судьбы людей с ним связанных. Откройте старинные домовые книги со списками жильцов, и

Вы обнаружите целые пласты смыслов. Вы оживите давно ушедших персонажей, и кто знает, возможно, сделаете историческое открытие. Главный принцип исследователя культурного наследия – мыслить нестандартно. Историк не только детектив, но и медиатор. Поместите себя мысленно в центр круга, расставив по окружности персонажей, факты, документы, воспоминания, и попробуйте их заставить говорить друг с другом, аргументировать, возражать, спорить сопоставляйте. Результат этого воображаемого диалога будет полноценным качественным исследованием.

OKHRANYAETSYA GOSUDARSTVOM is an informational and practical magazine covering main tendencies in the protection and popularization of historical and cultural monuments. The magazine was established by the Federal state cultural institution «Cultural and historical monuments management agency» (FSCI CHMMA). Established since 2013.

Issue 2, 2016

STANDPOINT / 6-9

Contemporary planning practice includes a long list of specializations: volume design, urban planning, settlement, landscape architecture, interior design, urban design, protection of monuments and restoration, reconstruction. At all times some of them are nominated for the leading roles, while others go into the shadows. Today the cultural heritage protection and the restoration are between two opposite poles.

OPINION / 10-17

Today the third part of all historical and cultural monuments in Russia are in the emergency condition. The State doesn't possess enough financial resources to maintain all of them. Some researchers suppose that the restitution can solve this problem. The experts in the field of law and historical heritage express their opinions on the question of the restitution of cultural heritage objects to the owners' descendants.

SECRETS OF MASTERY / 18-29

Evgeniy Kokorev is a practicing architect both successful in the new construction projects and in the restoration practice. He is a winner of the «Restoration» contest 2012, 2013, 2014 and 2015 awarded the title of «Honorary restorer of Russia». Nowadays the ideological and technological questions of restoration become the important part of cultural discourse. Today Kokorev describes the current problems of modern restoration practice.

REGIONS / 30-35

In 2010 began the restoration of the manor complex Skornyakovo, located in Zadonskiy district of the Lipetskiy region. The manor belonged to the great Russian commander, the hero of the War of 1812 and the decembrist N. Muravyov-Kara. Today the scientific and restoring works are conducted. In 2018 while the restoration is finished the object will become the rural recreation zone and hotel complex for Russian and foreign tourists.

GUARDIANS / 36-45

The Toropets Historical Society is a union of the historians, restorers and local residents of the Toropets city located in the Tver region. The rich history of this small city left the wide legacy of historical monuments and archaeological objects that need the preservation and the restoration now.

HERITAGE / 46-53

Count Vladimir Alekseevich Komarovskiy (1883-1937) is famous as the artist, the icon painter and the talented restorer of the XX century. A unique exhibition of his works opened this March in the Pushkin State Historical and Literary Museum in the Bolshie Viasomy city. The researcher Lidia Golovkova recounts his artistic path.

INTERVIEW / 54-61

The interview with the Prince Dmitry Mikhailovich Shakhovskoy represents the descendant of the most important noble families of Russia - those who created and preserved cultural heritage of the country. Doctor of Historical and Philological Sciences, Professor of Russian Church history in St. Sergius Theological Institute in Paris, he answers the questions about the past and present of the Russian nobility.

INTERVIEW / 62-67

The Association of the Historical Manor Owners was recently created in Russia. Member of the association, Vissarion Igorevich Alyavdin uncovers the current state of those manors, the problems of their possession and restoration, and the aims of this new actors on the field of historical Russia preservation.

INTERNATIONAL EXPERIENCE / 68-73

Today on the agenda is the question of the preservation methods of cultural heritage during armed conflicts. The international organization «Blue Shield» has its most productive experience in this field in one of the most peaceful countries - Austria. Leila Strobl, the president of the Austrian Roerich Society, relates about the gained experience.

MASTERCLASS / 74-79

How to become a historian of architectural heritage? In Russia are located 150 000 objects of cultural heritage and this list is constantly increasing. Vladimir Hutarev-Garnishevskiy is a historian and the chief of the Moscow branch of the "Russian Society for Protection of Historical and Cultural Monuments". In his masterclass he reveals the refinements and secrets of inspection of the new historical monuments.